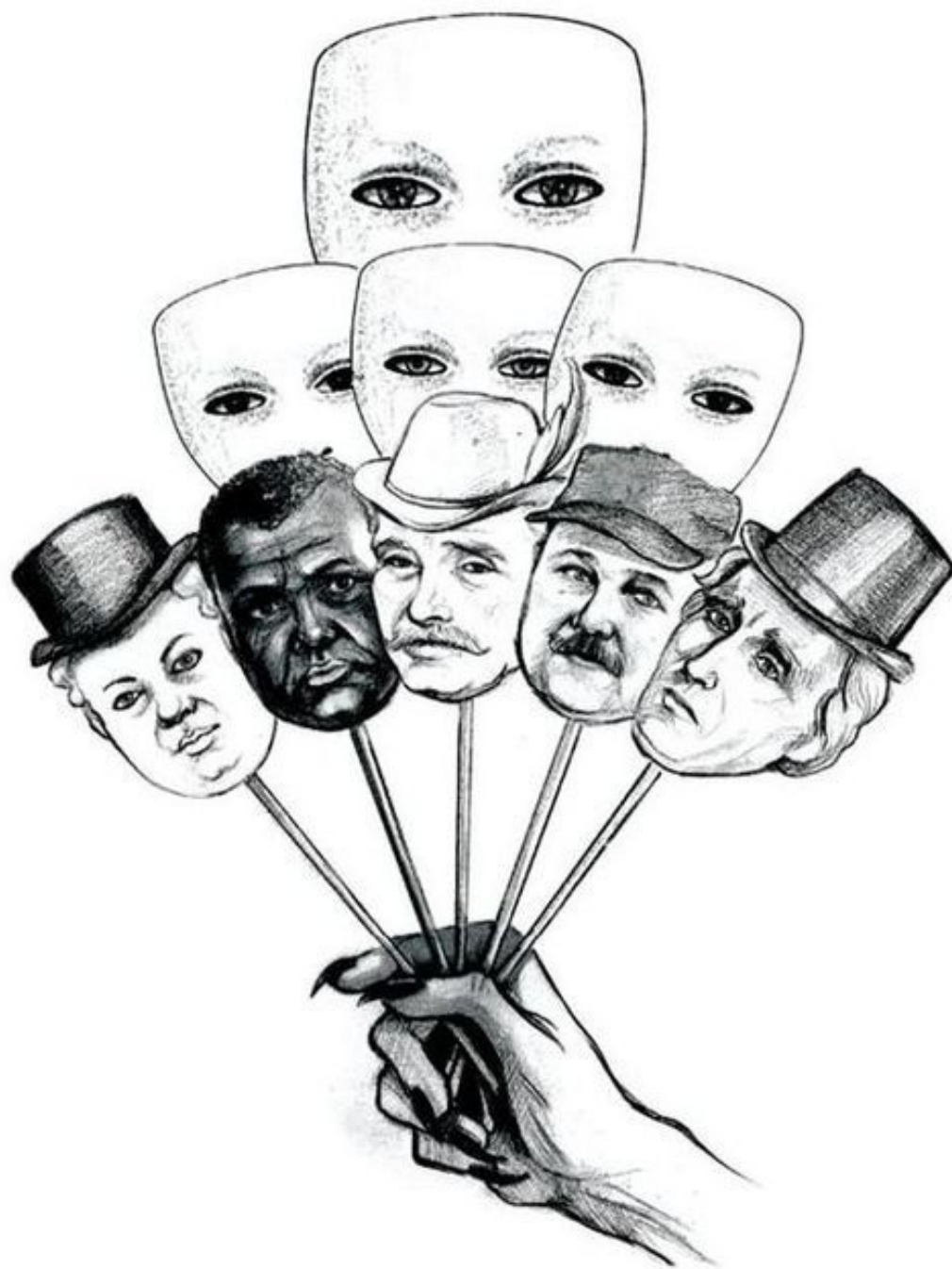

18+

ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ

МАСКАРАД,

ИЛИ

ИСКУСИТЕЛЬ

Герман Мелвилл
Маскарад, или Искуситель

«Издательские решения»

Мелвилл Г.

Маскарад, или Искуситель / Г. Мелвилл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516162-8

Это последний крупный роман американского классика Германа Мелвилла (романы «Моби Дик», «Редберн», «Марди» и др.), впервые за 160 лет переведённый на русский язык. Сюжет романа таков: Сатана ради забавы выступает под личинами мошенников и философов, в свою очередь выдающих себя за альтруистов и энтузиастов. По мнению литературоведов, прочитанный Булгаковым «Искуситель: его маскарад» (дословный перевод названия) определённо стал прототипом романа «Мастер и Маргарита». Для искушённых читателей.

ISBN 978-5-00-516162-8

© Мелвилл Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	7
Глава II,	10
Глава III,	12
Глава IV	18
Глава V	23
Глава VI,	26
Глава VII	31
Глава VIII	37
Глава IX	39
Глава X	43
Глава XI	47
Глава XII	49
Глава XIII	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Маскарад, или Искуситель

Герман Мелвилл

Переводчик Роман Каменский

Дизайнер обложки Д. Шилов

© Герман Мелвилл, 2020

© Роман Каменский, перевод, 2020

© Д. Шилов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-6162-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

THE
CONFIDENCE-MAN:
HIS MASQUERADE.

BY
HERMAN MELVILLE,
AUTHOR OF "PIAZZA TALES," "OMOO," "TYPEE," ETC., ETC.

NEW YORK:
DIX, EDWARDS & CO., 321 BROADWAY.
1857.

К 200-летию Германа Мелвилла

Глава I

Глухонемой пассажир плывёт на корабле по Миссисипи

На восходе солнца первого апреля на берегу реки в городе Сент-Луисе внезапно, как Манко Капак на озере Титикака, появился человек в кремовом костюме.

Его щёки были выбриты, его пушистый подбородок, его льняные волосы, его шляпа представляли собой единый белый длинный кудрявый ворс. У него не было ни трости, ни чемодана, ни саквояжа, ни пакета. За ним не следовал слуга. Никто не сопровождал его. По пожимаемым плечам, смешкам и удивлённому шёпоту толпы было ясно, что он был в самом прямом значении этого слова чужаком.

В первый же момент своего появления он ступил на борт парохода «Фидель», первого из отправлявшихся в Новый Орлеан. Пристально разглядываемый, но не приветствуемый, в атмосфере отчуждения, не избегая взглядов, но равномерно следуя намеченному пути, проведшему его через пустыни или города, он шёл по нижней палубе, пока случайно не подошёл к плакату, наклеенному рядом с конторой капитана и предлагавшему вознаграждение за поимку таинственного самозванца, который, как предполагали, недавно прибыл с Востока, – совершенно оригинального гения в своём призвании, как будто бы только что появившегося, хотя, в чём состояла его новизна, ясно не было, но она подразумевалась согласно следующему тщательному описанию его личности. Словно возле театральной афиши, толпа собралась вокруг этого объявления, и среди неё некоторые кавалеры, чьи глаза, словно оно было равнинной, в основном или, по крайней мере, искренне пытались разглядеть его через одежду пришедших людей; но что касается ловких кавалеров, то они были заняты неким делом, поскольку во время случайной паузы один из них жестом выказал желание купить у другого, по профессии продавца денежных поясов, одно из его популярных изделий, в то время как другой коробейник, который оказался весьма разносторонним кавалером, распродал в гуще толпы жизнеописание Мисана, бандита из Огайо, Марелла, пирата Миссисипи, и братьев Харп, головорезов из страны Грин-Ривер в Кентукки, – существ уже иного вида, всех до единого истреблённых в своё время, как в большинстве случаев охотниками истребляются целые поколения волков в некоторых местностях при оставлении небольшого количества их преемников, что, как считается, является причиной для чистосердечного поздравления всем людям, кроме тех, кто думает, что в новых странах, где уничтожаются волки, увеличивается поголовье лис.

Остановившись в этом месте, незнакомец к настоящему моменту преуспел в том, чтобы проложить себе путь, пока наконец не устроился возле плаката, где, достав маленький кусочек мела и начертав некие слова сверху, принялся держать его перед собой на одном уровне с плакатом так, чтобы те из пассажиров, кто написанные слова уже прочитал, смогли бы прочитать и остальные. Слова были следующие: «Милосердие совсем не зло».

Так же как и в достижении своего нынешнего места, некоторая небольшая устойчивость, если не сказать постоянство, слегка безобидного вида, была неизбежна, но оказалась не самой прекрасной манерой, отчего толпа отметила его очевидное вторжение и при более внимательном обзоре не почувствовала в нём признаков силы, а, скорее, что-то вполне обратное: он имел вид особенно невинный, такой, который они сочли так или иначе не соответствующим времени и месту, как и его упражнения в письме; короче говоря, видя странного для некоторых простака, довольно безопасного, остающегося самим собой, но не совсем неприятного, а как бы вторгающегося без приглашения, толпа не колебалась в желании оттолкнуть его в сторону, в то время как один человек из толпы, менее добрый, чем остальные, или же оказавшийся большим шутником, ловким незаметным ударом заставил свалиться его кудрявую шляпу с его головы.

Не возвращая её на прежнее место, незнакомец спокойно повернулся и снова написал мелом поверху: «Милосердие терпеливо, и это хорошо».

Раздражённая его упорством, как ей это показалось, толпа второй раз оттолкнула его, не без эпитетов и лёгких толчков, вознегодовав всей своей массой. Но затем, как будто наконец отчаявшись из-за сложности ситуации, в которой он один, явно без сопротивления, искал возможность озадачить своим присутствием напавших на него персонажей, незнакомец медленно отошёл дальше, но не прежде, чем изменил свою фразу так: «Милосердие вынесет все испытания».

Держа свой мелок перед собой подобно щиту, среди пристальных взглядов и насмешек он двигал им медленно вверх и вниз, при каждом повороте снова и снова меняя свою надпись на «Милосердие верит всему» и затем на «Милосердие никогда не проигрывает».

Слово «милосердие», как первоначально начертанное, осталось повсюду невычеркнутым, мало чем отличаясь от цифры, напечатанной слева от даты, которую ради удобства оставляют в бланке.

Для некоторых наблюдателей особенность, если не невменяемость, незнакомца была усилена его немотой и также, возможно, контрастом в его поведении, представленном в его действиях – среди обычного и разумного устройства вещей, – в частности, для корабельного парикмахера, на чью территорию под курительной комнатой напротив бара вела ближайшая дверь, исключая две двери в контору капитана. Поэтому, если длинная широкая крытая палуба с устроенными по обеим сторонам окнами, подобно магазинным, вроде некоей константинопольской галереи или базара, была предназначена не только для одной лишь торговли, то корабельный парикмахер, в фартуке и в туфлях, но моментально раздражающийся, возможно, оттого, что недавно вылез из кровати, оставлял открытым своё помещение на целый день и соответствующим образом приводил в порядок чью-либо внешность. С деловитой распорядительностью он потрещал ставнями, сдвинув их вниз, поставил в угол пальмовое дерево, закрепив его железным фиксатором в небольшой декоративной опоре, и всё это прошло без чрезмерной нежности в отношении локтей и пальцев ног собравшейся толпы. Он закончил свои действия тем, что предложил людям отойти подальше в сторону, и затем, вскочив на табурет, повесил над своей дверью на обычный гвоздь возбуждающе безвкусного вида картонную вывеску, умело выполненную им самим, позолоченную и сходную по виду с изогнутой бритвой, готовой к бритью, с двумя словами, соответствующими общественным интересам, весьма часто замечаемыми на берегу и украшавшими другие лавки, помимо лавки парикмахера:

В КРЕДИТ НЕ ОБСЛУЖИВАЮ

Надпись, казалось, была в некотором смысле не менее навязчива в сопоставлении с надписью незнакомца, но она вызывала у любого человека соответствующую улыбку или удивление, которые оказывались намного меньше негодования; и менее всего, как видно, она была написана ради снискания доброй репутации простака.

Тем временем незнакомец с мелком продолжал медленно двигать им вверх и вниз, давая повод некоторым пристальным взглядам измениться на насмешки, а некоторым насмешкам на толчки, а некоторым толчкам на удары, когда внезапно на одном из своих поворотов он был окликнут сзади двумя матросами, несущими большое бревно; но, поскольку окрик, хоть и громкий, был оставлен без эффекта, они случайно или как-то иначе, раскачивая свою ношу рядом с ним, почти опрокинули его; тогда, быстро отскочив, специфическим невнятным стоном и жалобным постукиванием своих пальцев он невольно дал знать, что был не только немой, но также и глухим.

Затем, как будто до сих пор совершенно не тронутый произошедшим конфликтом, он прошёл вперёд, усевшись в уединённом месте на баке, почти касаясь ногой лестницы, ведущей

на верхнюю палубу, вверх и вниз по которой иногда перебегали отдельные матросы, исполнявшие свои обязанности.

Из-за его самостоятельного нахождения прибежища в этой укромной части корабля было видно, что палубный пассажир, будучи чужаком, просто, наверно, не был всецело осведомлён об этом месте, хотя занятие им прохода на палубе могло бы быть удобным лишь частично; и потому, что у него не было багажа, было весьма вероятно, что его целью была одна из маленьких придорожных пристаней в течение ближайших нескольких часов. Но хотя у него не могло быть долгой дороги впереди, всё же казалось, что он уже прошёл очень длинный путь.

Пусть не испачканный и не неряшливый, его кремовый костюм имел потёртый вид, почти нечищенный, как будто, идя ночью и днём из некой далёкой страны вне прерий, он долгое время не ложился спать. Его вид был одновременно нежным и утомлённым и с самого момента его появления выделялся надоедливой рассеянностью и мечтательностью.

Постепенно наступаемая дремотой, его льняная голова свисла, вся его овечья фигура ослабилась, и, наполовину вытянув ноги напротив лестницы, он неподвижно улёгся, как некий сахарный снег в марте, который, мягко и украдкой выпав за ночь, своим белым спокойствием поражает загорелого фермера, выглядывающего со своего порога на рассвете.

Глава II, показывающая, что у множества людей есть множество мнений

- Странная рыба!
- Бедняга!
- Кем он может быть?
- Каспер Хаузер.
- Благослови мою душу!
- Необычайное самообладание.
- Новоявленный пророк из Юты.
- Вздор!
- Исключительная невинность.
- Какая-то мысль есть...
- Глашатай духа.
- Лунное дитя.
- Жалкий.
- Пытается привлечь внимание.
- Остерегайтесь его!
- Крепко спит здесь, значит, несомненно, карманники на борту.
- Разновидность дневного Эндимиона.
- Сбежавший преступник, уставший прятаться.
- Иаков, размечтавшийся в Лузе.

Такие некрологические комментарии противоречиво высказывались или мыслились разношёрстной компанией, которая, собравшись на возвышении, крестообразном балконе в переднем конце верхней палубы поблизости, засвидетельствовала произошедший инцидент.

В то время как, подобно некоему спящему в своей могиле человеку, счастливо забывшему обо всех сплетнях, высеченных в камне или выболтанных вслух, глухонемой незнакомец всё ещё спокойно спал, корабль уже начал своё путешествие.

Большим судоходным каналом Винг-Кинг-Чинг в Цветочном королевстве кажется Миссисипи в тех местах, где она несёт свои воды между низкими, опутанными виноградной лозой берегами, и одновременно ровной, как тропа, несущая огромные пароходы, ярко украшенные и отлакированные всеми поверхностями, подобно имперской мебели.

С открытыми вдоль своего большого белого борта двумя рядами маленьких, подобных амбразурам окон, находящихся намного выше ватерлинии, «Фидель», тем не менее, мог бы на расстоянии быть принят незнакомцами за некий выбеленный форт на плавучем острове.

Торговцы, меняясь, казались пассажирами, которые гудели на его палубах, в то время как из невидимых отсеков исходил гул, похожий на исходящий от пчёл в ульях. Прекрасные дорожки, куполообразные бары, длинные галереи, солнечные балконы, тайные проходы, свадебные палаты, множество коробок-купе и отдалённых уголков, вроде секретных ящичков в секретере, существующих как средства для общей или частной жизни. Аукционист или фальшивомонетчик с равной непринуждённостью могли бы где-нибудь здесь вести свои дела.

Хотя его путешествие в одну тысячу двести миль простиралось от яблока до апельсина, от страны до страны, всё же, как любой маленький паром, справа и слева при каждом причаливании огромный «Фидель» всё ещё принимал дополнительных пассажиров в обмен на тех, что сходили на берег; поэтому, всегда наполненный незнакомцами, он всё время, в определённой степени, добавлял или заменял их ещё более странными незнакомцами, как Рио-де-Жанейро,

питаемый от гор Коко-Верде, иногда переполняется чужими водами, но всё же никогда не приносит чужого песка.

Хотя к настоящему времени, начиная с момента своего появления, человек в кремовом костюме не имел возможности пройти незамеченным, всё же, незаметно уединившись и продолжая спать и спать, он, казалось, предался забвению – благу, от которого не часто отказываются такие униженные просители, как он. Пристально смотрящие толпы на берегу теперь остались далеко позади, выходя смутными пятнышками, подобно ласточкам на карнизе, в то время как внимание пассажиров вскоре было уделено беглой стрельбе с высоких обрывов и дроболитейным башням на берегу Миссури или пугающе выглядящим миссурийцам и высоким кентуккийцам среди толпы на палубах.

Вскоре две или три случайных остановки были сделаны, и последнее мимолётное воспоминание о сне исчезло, и сам он, но вряд ли разбуженный, высадился, как тотчас же толпа, как обычно, начала делиться на части, чтобы разойтись из зала разными группами или командами, которые в некоторых случаях снова делились на квартеты, трио и пары или даже пасьянсы, непреднамеренно подчиняясь тому природному закону, который предопределяет растворение частиц пропорционально массе и времени.

Как в среде паломников в Кентербери у Чосера или у восточных паломников, пересекающих Красное море при движении к Мекке в праздничный месяц, тут не было никакой нехватки в их разнообразии. Уроженцы всех концов страны и иностранцы, бизнесмены и повесы, кабинетные работники и дикари, загонщики с ферм и искатели славы, охотники за наследницами, золотоискатели, охотники на бизонов, бортники, искатели счастья, искатели правды и, в конце концов, за всеми этими охотниками – обычные охотники. Прекрасные леди в комнатных туфлях и скво в мокасинах, северные спекулянты и восточные философы; англичане, ирландцы, немцы, шотландцы, датчане; торговцы из Санта-Фе в полосатых накидках и бродвейские денди в шейных платках из золотой парчи; прекрасно выглядящие лодочники Кентукки и по-японски смотрящиеся хлопковые плантаторы Миссисипи; квакеры, полностью облачённые в серое, и солдаты Соединённых Штатов в полном обмундировании; рабы, темнокожие, мулаты, квартероны; модные молодые испанские креолы и старомодные французские евреи; мормоны, и фанатичные паписты, и нищие; шуты и скорбящие, трезвенники и выпивохи, дьяконы и жулики; закоснелые баптисты и поедатели глины; усмехающиеся негры и вожди сиу, торжественные, как первосвященники. Короче говоря, пегий парламент, конгресс всех видов Анахарсиса Клоутса из многообразия паломников и пород человека.

Как сосна, бук, берёза, ясень, лиственница, болиголов, ель, американская липа, клён вплетают свою листву в естественный лес, так и эти смертные смешались в своём разнообразии обликов и одежд. Подобная Тартару живописность, своего рода языческие отречённость и уверенность. Здесь правил всё перемешивающий и всё переплавляющий дух Запада, который, как и сама Миссисипи, объединяя потоки из самых отдалённых и противоположных зон, несёт их вперёд, бурля, в едином смешанном и уверенном течении.

Глава III, в которой появляется множество знаков

В передней части корабля как раз в это время не менее привлекательным объектом стал неуклюжий калека негр в одеянии из двойной ткани и со старым, угольно-чёрным, похожим на решето тамбурином в руках, кто, вследствие какого-то увечья его ног, был воистину ростом с ньюфаундленда; его густые чёрные овечьи волосы и добродушное честное чёрное лицо тёрлись о верхнюю часть бёдер людей, поскольку он, ходя туда-сюда, наигрывал мелодию, соответствующую его настроению, и заставлял улыбнуться даже самого серьёзного человека. Было любопытно видеть, что его страшное уродство, бедность и бездомность, столь весело переносимые, порождали такую радость среди части людей в толпе, которую их собственные кошельки, очаги, сердца, всё их имущество и обладаемые ими здоровые конечности не смогли бы им дать.

– Как тебя зовут, дружище? – спросил скотопромышленник с лиловым лицом, кладя свою большую фиолетовую руку на густую шевелюру калеки, как будто это был кудрявый лоб чёрного бычка.

– Чёрная Гвинея называют меня, сэр.

– И кто твой хозяин, Гвинея?

– О, сэр, я – собака бес масса.

– Свободная собака, а? Ну, на твой счёт я сожалею об этом, Гвинея. Собаке тяжело, если хозяин не платит за её проезд.

– Так оно и есть, сэр, так оно и есть. Но вы видите, сэр, какой здесь ноги? Какой шентльмен хочет иметь такой ноги?

– Но где ты живёшь?

– Весь длинный берег, сэр; теперь – пекарня. Я собираюсь увидеть пекаря при высадке, но в основном я свободен в городе бога.

– В Сент-Луисе? Ах ты! Где же ты спишь там ночью?

– На этаже духовки славного пекаря, сэр.

– В духовке? Чьей? Умоляю, какой такой пекарь, хотел бы я знать, печёт такой чёрный хлеб в своей духовке как раз рядом со своими славными белыми батонами. Кто же этот столь благодетельный пекарь? Умоляю.

– Он быть. – С широкой ухмылкой он поднял свой тамбурин высоко над своей головой.

– Солнце – пекарь, а?

– Да, сэр, в городе хороший пекарь нагревает камни для ложе стар негр, когда он спит на улице на тротуаре ночью.

– Но это, должно быть, только летом, дружище. А как зимой, когда приходят холодные казаки с треском и звоном? А как зимой, дружище?

– Хромой бедный стар негр очень трясёт, я говорю вам, сэр. О, сэр, о! Не говорите о зима, – добавил он с ностальгической дрожью, втягиваясь в самую гущу толпы, как полузамёрзшая чёрная овца, проталкивающаяся к удобному месту в сердцевине скопления белых овец.

К настоящему времени он получил не очень много пенсов, и привыкшие наконец к его странной внешности менее вежливые пассажиры в этой части корабля начали окружать его, как любопытный объект; но тут внезапно негр, более чем ожививший их первоначальный интерес, счёл целесообразным – случайно или намеренно – с исключительным искушением обратиться к ещё большему, чем его хромые конечности, отвлекающему манёвру и милосердию, позволив себе встать в собачью стойку. Короче говоря, поскольку внешне он напоминал собаку, то теперь, как собака, он и начал смешно смотреться. Всё ещё бродя среди толпы, время от вре-

мени он делал паузу, отбрасывая свою голову и открывая рот, как слон для бросаемых ему яблок в зверинце; и потому при создавшемся перед ними пространстве люди уже имели возможность поиграть в странную игру с подачей пенса, где рот калеки являлся одновременно и целью, и кошельком и где калека приветствовал каждую мастерски пойманную медь резкими бравурными звуками своего тамбурина. Пытаться быть объектом раздачи милостыни и чувствовать обязанность выглядеть ликующе благодарным в момент испытания он принялся с ещё большим усердием, но, безотносительно к своим тайным эмоциям, он, глотая монеты, ещё и сохранял каждую медь от попадания в пищевод. И почти всегда он усмехался и только несколько раз вздрогнул, когда несколько монет, брошенных большой группой игривых дарителей, неудачно попали почти по его зубам, каковая неприятность не умалила выгоды, доказанной брошенными пенсами.

В то время как эта игра в милосердие оказалась в самом разгаре, прихрамывающий человек с кислым лицом, со сверлящим взглядом – возможно, некий освобождённый от должности таможенный чиновник, внезапно лишённый подходящих средств к существованию и имеющий цель отомстить за всё это правительству и всему человечеству, считающий себя несчастным в жизни, или ненавидящий, или подозревающий всех и вся, – этот мелкий неудачник после многих сочувствующих взглядов на негра начал брюзжать что-то о его уродстве, являющемся обманом, устроенным ради денег, что немедленно вызвало испарину у шаловливых добряков, играющих в подачу пенсов.

Но то, что эти подозрения исходили от того, кто самостоятельно на деревянной ноге вошёл на остановку, казалось, не проняло никого из присутствующих. Это принесло бы вред, и прежде всего все люди должны быть общительными или, по крайней мере, должны воздерживаться от критики отдельных личностей, – короче говоря, должно быть немного сочувствия к чужой беде, если она, как казалось, не случилась с остальной компанией.

Тем временем внешнее самообладание негра, прежде отмечаемое как более чем терпеливое добродушие, уступило место печальному выражению лица, исполненному самого болезненного бедствия. К этому моменту униженная ниже своего надлежащего естественного уровня морда ньюфаундленда предстала в пассивно безнадежном обращении, как будто бы инстинкт подсказал ей, что право или несправедливость не могут быть чрезмерными, поскольку превосходящий всё интеллект не даст выхода какому-либо капризному настроению.

Но инстинкт, как известно, всё же изучает основную причину, которая сама говорит в комедии серьёзными словами Лисандра, из шалуна превратившегося в мудреца со своим заклинанием: «Желанье человека – причина, способная его поколебать».

Поэтому внезапное изменение в расположении, которое происходит с людьми, совсем не всегда оказывается капризом, а углублённым суждением, которое, как в случае с Лисандром или как в данный момент, воздействует на них на всех.

Да, они принялись довольно тщательно исследовать негра с превеликим любопытством, когда, ободрённый этими доказательствами эффекта от его слов, человек с деревянной ногой прихрамал к негру и с видом университетского чиновника, чтобы доказать предполагаемый обман на месте, решил раздеть его и затем прогнать, но был остановлен шумом толпы, теперь уже принявшей участие в бедняге против того, кто как раз имел целью перед этим повести почти все умы по другому пути. Таким образом, человек с деревянной ногой был вынужден удалиться; тогда остальные оказались единственными оставшимися судьями внутри случившегося, не в состоянии сопротивляться возможности играть свою роль, – но не потому, что это человеческая слабость в получении удовольствия на заседании в осуждении одного человека в клетке, каким, конечно, этот несчастный негр теперь и являлся, а потому, что это странно обостряет человеческое восприятие, когда, вместо того чтобы стоять в стороне и выражать свою поддержку предполагаемому преступнику, строго обработанному каким-то судебским чиновником, толпа сама в этом же самом случае внезапно становится всеми судебскими чинов-

никами. Однажды, например, в Арканзасе, где человек, чья вина в убийстве, согласно закону, была доказана, но чьё осуждение люди считали несправедливым, был ими спасён для того, чтобы те имели возможность судить его самостоятельно, после чего они, как оказалось, нашли его ещё более виновным, чем это решил суд, и немедленно продолжили исполнение приговора, отчего виселица действительно предстала устрашающим зрелищем с человеком, которого повесили его же друзья.

Но не к таким крайностям или чему-либо подобному пришла существующая толпа; она с течением времени отнеслась к вопросу с негром довольно справедливо и осторожно, решив, среди прочего, выяснить, имеется ли у него какое-либо документальное свидетельство, любая простая бумага, доказывающая, что его состояние не было подделкой.

– Нет, нет, падший бедный стар негр нет ни один нужной бумаги, – возопил он.

– Но есть ли кто-нибудь, кто может сказать правдивое слово о тебе? – спросил тут человек, недавно пришедший с другой части корабля, молодой епископальный священник в длинном чёрном пальто с прямым фасоном; небольшого роста, но мужественный; с ясным лицом и голубыми глазами; невинный, нежный и несущий славный дух Святой Троицы.

– Ах да, ах да, шентльмен, – ответил он нетерпеливо, как будто его память, прежде внезапно замёрзшая от холодного милосердия, внезапно оттаяла и растеклась от первого же доброжелательного слова. – Ах да, ах да, на борту здесь очень хороший, хороший шентльмен с сигарой и шентльмен в сером пальто и фраке, что знает всё обо мне; и у шентльмен есть большая книга тоже; и ушной доктор; и шентльмен на ранчо на западе; и шентльмен с медная табличка; и шентльмен в фиолетовой одежде; и шентльмен, как солдат; и ещё много хороших, добрых, честных шентльменов больше на борту, который знает меня и выступит за меня, Бог кранит их; Но как мы должны будем найти всех этих людей в этой большой толпе? – таков был вопрос свидетеля с зонтиком в руке, человека средних лет, местного коммерсанта, чьё естественное сочувствие, очевидно, было порождено по меньшей мере неестественной неприязню к освобождённому от должности таможенному чиновнику.

– Где мы должны найти их? – с упреком пополам повторил молодой епископальный священник. – Я пойду, найду одного для начала, – добавил он быстро, и с любезной поспешностью, облакающей слово действием, он пошёл дальше.

– Погоня за несбыточным! – прокаркал человек с деревянной ногой, теперь снова притащившись поближе. – Не верьте, что есть хотя бы одна из этих душ на борту. Когда-нибудь кто-либо из нищих имел столько прекрасных друзей? Он может идти достаточно быстро, когда пожелает, намного быстрее, чем я; но он может лгать ещё быстрее. Он – какой-то белый мошенник, переодетый и перекрашенный для приманки. Он и все его друзья фальшивы.

– Разве у вас нет милосердия, дружище? – здесь полумягким тоном, особенно контрастировавшим с его непокорной личностью, сказал методистский священник, приблизившись, – высокий, мускулистый, по-военному выглядящий человек родом из Теннесси, который во время Мексиканской войны был священником-добровольцем добровольного стрелкового полка.

– Милосердие – одна вещь, а правда – другая, – возразил человек с деревянной ногой. – Он мошенник, говорю я вам.

– Но почему бы, дружище, не проявить милосердие и не помочь бедному парню? – сказал по-военному методист, с трудом сохраняя спокойствие в отношении к тому, чья собственная грубость казалась ему столь малой, что он позволял её себе. – Он выглядит честным, не так ли?

– Взгляды – одна вещь, а факты – другая, – упрямо не сдавался противник, – и что если ваше милосердие таково, что оно применимо к мошеннику, каковым он и является?

– Не будьте совсем уж канадским чертополохом, – убеждал методист с каким-то меньшим терпением, чем прежде. – Милосердие, человек, милосердие.

– Туда, где всё принадлежит вашему милосердию! В небеса с ним! – снова оживился другой, уже по-дьявольски. – Здесь, на земле, истинное милосердие любит до безумия и фальшивое милосердие плетёт заговоры. Кто-то предаёт дурака с поцелуем, а милосердие дурака – это милосердие верить в любовь к нему, и милосердный мошенник на возвышении даёт милосердные показания на своего товарища в ящике.

– Конечно, дружище, – парировал благородный методист, с большим смущением сдерживая всё ещё горящее негодование оппонента. – Конечно же, осторожно говоря, вы забыли про себя. Примените это к себе, – продолжал он с внешним спокойствием, дрожа и сдерживая эмоции. – Предположим, что теперь я не должен оказывать милосердие с точки зрения ваших собственных слов; вы думаете, я бы перенял что-нибудь от такого мерзкого, безжалостного человека?

– Без сомнения, – с усмешкой, – вы – некий безжалостный человек, потерявший своё благочестие почти тем же способом, с каким жокей теряет свою честность.

– И как это, дружище? – Он всё ещё добросовестно сохранял ветхозаветного Адама в себе, как будто это был мастиф, которого он держал за шею.

– Тут есть некая инсинуация.

– Вы большой дурак, коли озадачены ею.

– Подонок! – крикнул другой. Его негодование теперь наконец почти вскипело. – Безбожный подонок! Если бы милосердие не сдерживало меня, то я мог бы обозвать вас именами, которых вы заслуживаете.

– Действительно могли бы? – с наглой усмешкой.

– Да, и преподам вам милосердие на месте, – закричал раздражённый методист, внезапно лоя этого невыносимого противника за потёртый воротник его пальто и сотрясая его, пока деревянные пальцы его ноги не загремели по палубе, как сосновые штырьки. – Ты считаешь меня непротивленцем? Подумай, ты, захудалый трус, перед тем, как оскорбить христианина безнаказанно. Поищи свою ошибку, – последовала другая искренняя встряска.

– Хорошо сказано, и ещё лучше сделано, воин церкви! – раздался чей-то голос.

– Белый шейный платок против всего мира! – закричал другой.

– Bravo, bravo! – запело хором множество голосов, с энтузиазмом выбравших позицию решительного победителя.

– Вы дурачитесь! – вскричал человек с деревянной ногой, корчась и освобождаясь самостоятельно и воспалённо поворачиваясь к толпе. – Вы – скопление дураков при этом капитане дураков на этом корабле дураков!

С такими восклицаниями, сопровождаемыми праздными угрозами в ответ на его увещевания, эта заслуженная жертва правосудия захромала дальше, как бы считая презрением терпеть дальнейшие реплики от этой толпы. Но его презрение было больше, чем возмущённое шипение, которое преследовало его и к которому храбрый методист, удовлетворённый выговором, который он только что сделал, использовав все весомые средства, отнёсся слишком великодушно, чтобы присоединиться. Всё, что он сказал, указывая на уходящего бунтаря, было следующим:

– Пусть он волочит ноги прочь на своей единственной ноге, символизирующей его одностороннюю точку зрения на человечество.

– Не верьте вашей раскрашенной приманке, – парировал тот с расстояния, указывая назад на темнокожего калеку, – и я отомщу по-своему.

– Но мы не собираемся верить ему! – крикнул голос позади.

– Тем лучше! – усмехнулся он, обернувшись назад. – Смотрите, – добавил он, топчась на том же месте, где он стоял, – смотрите, меня называли канадским чертополохом. Очень хорошо. И захудалым – ещё лучше. И захудалый канадский чертополох вполне прилично встряхнул вас всех, лучше, чем кто бы то ни было. Смеее сказать, что несколько семян выпало и это

не весна? И когда будет весна, разве она уменьшит число молодых чертополохов и разве их весной не становится больше? Не она ли питает и поддерживает их? Теперь, когда моими чертополохами ваши фермы весьма густо засеяны, то почему бы тогда вам не оставить их!

– Что это означает? – спросил местный торговец, пристально глядя.

– Ничего. Завывание раненого помешавшегося волка, – сказал методист. – Раздражительность, много раздражительности, которая есть хрупкое порождение его злого неверующего сердца: оно сделало его безумным. Я подозреваю, что он природный подонок. О, друзья! – Он воздел свои руки, как на кафедре проповедника. – О, возлюбленные, вот мы и предупреждены печальным зрелищем этого безумца. Давайте извлечём пользу из урока, чтобы у следующего человека, не верящего в провидение, не было того, против чего должен молиться человек, то есть против того, чтобы подозревать своего ближнего. Я был в сумасшедших домах, полных скорбного духа, и обратил там внимание на законченных безумцев: капризного безумного циника, бормотавшего в углу, в течение многих лет из-за своего безумия прикованного там, голова которого была поглощена грызением его собственной губы, ставшего стервятником по отношению к самому себе, в то время как из угла напротив виднелась судорожная гримаса идиота.

– Какой пример! – прошептал один.

– Мог бы удержать Тимона, – был ответ.

– О, о, хороший шентльмен, неужели вы не верите кривой бедный стар негр? – возопил возвратившийся теперь негр, который во время последней сцены с тревогой стоял в стороне.

– Верю ли я тебе? – вторил ему тот, кто шептал, внезапно изменившимся тоном, резко развернувшись. – Это ещё неизвестно.

– Я говорю тебе, каково это, Чёрное Дерево, – столь же изменившимся тоном сказал ему тот, кто ответил на сплетню, – что вон тот грубиян, – он указал на деревянную ногу на расстоянии, – является, без сомнения, довольно грубым парнем, и я не хотел бы походить на него, но это не причина, почему ты не можешь быть своего рода темнокожим Джереми Диддлером.

– Никакой вера кривому бедному стар негру, денди?

– Прежде чем вселить в себя нашу веру, – сказал третий, – мы будем ждать отчёта доброго джентльмена, который отправился на поиски одного из твоих друзей, кто должен будет рассказать о тебе.

– Очень вероятно, что в этом случае, – сказал четвёртый, – мы не будем ждать здесь до Рождества. Не должно задаваться вопросом, пока мы не увидим этого доброго джентльмена снова. После напрасного поиска через некоторое время он придёт к заключению, что был обманут им, и, таким образом, не возвратится к нам из-за чистого позора. Факт в том, что я сам начинаю испытывать мало угрызений совести относительно негра. Все странности этого негра зависят от него.

Негр завопил снова и, в отчаянии отшатнувшись от последней фразы, умоляюще поймал методиста за полу его пальто. Но возбуждённый проситель заметил перемену. В нерешительной и обеспокоенной атмосфере священник безмолвно следил за просителем, против которого, так или иначе, инстинктивное недоверие, поначалу слабое, теперь возродилось, и, во всяком случае, с усилившейся серьёзностью.

– Никакой веры кривой бедный стар негр, – снова и снова вопил старый негр, отпуская полы пальто и умоляюще поворачиваясь повсюду вокруг себя.

– Да, мой бедняга... я... верю тебе, – тут же воскликнул уже упоминавшийся местный торговец, отчего негр, жалобно стоящий на жёстких пятках, понял, что решение принято в его пользу. – И вот здесь есть некое подтверждение моего доверия. – И затем, подложив свой зонтик под мышку и запустив свою руку в свой карман, он выловил кошелек, и как раз случайно его визитная карточка, никем не замеченная, упала на палубу. – Здесь, здесь, мой бедняга, – продолжал он, жертвуя полдоллара.

Не более благодарное за монету, чем за доброту, лицо калеки пылало, как полированная медная кастрюля, и, качая одной протянутой рукой, он взял милостыню, в то время как, подсознательно придвинувшись, кожаным ремнём накрыл карточку.

Несмотря на общее чувство, благодеяние торговца не свершилось бы, возможно, без его нежелательного возвращения из толпы, и с того момента это благодеяние, казалось, так или иначе адресовало всем присутствующим своего рода упрёк.

И снова, и более неуступчиво, чем когда-либо, раздался выкрик против негра, и снова тот вопил в своём плаче и обращался к другим людям, опять повторяя, что друзья, которых он имел в виду, частично покинувшие список, свободно вступились бы за него, если бы кто-то пошёл и нашёл их.

– Почему ты не пойдёшь и не найдёшь их сам? – потребовал грубый лодочник.

– Как может я идти найти их сам? Друзья кривой бедный стар негр ногами должен прибыть к нему. О, што, што, а хороший человек с сигарой – хороший друг кривой негр?

В этот момент подошёл стюард и позвонил в звонок, призывая всех людей, которые не получили свои билеты, идти в контору капитана; это объявление быстро проредило толпу вокруг чёрного калеки, который вскоре сам, озадаченный несчастьем, исчез с глаз долой, – вероятно, по почти таким же делам, что имелись у остальных.

Глава IV

Возобновление прежнего знакомства

– Как дела, господин Робертс?

– А?

– Разве вы не знаете меня?

– Нет, конечно.

Толпа возле конторы капитана со временем растаяла, и вышеупомянутая встреча произошла на одном из балконов со стороны кормы между человеком в траурном наряде и с представительным, но не самым блестящим, длинным пером на шляпе и вышеупомянутым местным торговцем, к которому по-дружески, как к старому знакомому, тот и обратился.

– Возможно ли, мой уважаемый господин, – резюмировал тот, что с пером, – что вы не помните моего лица? Тогда почему я вспоминаю ваше отчётливо, как будто не более получаса, а не полвека прошло с тех пор, как я увидел вас? Не припоминаете меня теперь? Посмотрите внимательно.

– По своей совести, воистину, я протестую. – Честное изумление. – Благословите мою душу, сэр, я не узнаю вас – воистину, воистину. Но останьтесь, останьтесь, – добавил он поспешно, не без удовлетворения глядя на креп на шляпе незнакомца. – Останьтесь. Да, мне кажется, хотя я и не имею удовольствия лично знать вас, но всё же я вполне уверен, я, по крайней мере... слышал... вас, и ещё недавно, совсем не давно. Бедный негр на борту здесь упомянул вас среди других, из-за характера, как я полагаю.

– О, калека. Бедняга. Я его хорошо знаю. Они нашли меня. Я сказал всё, что мог ради него. Я думаю, что преуменьшил их сомнения. Если бы я мог оказать более существенную услугу! И кстати, сэр, – добавил он, – теперь позвольте мне спросить о том, что останавливает меня: обстоятельства отношений одного человека, хоть и скромного, к характеру другого человека, хоть и огорчающему, не заставляют ли поспорить о большей или меньшей моральной ценности у последнего?

Славный торговец выглядел озадаченным.

– Вы всё ещё не вспомнили моё лицо?

– Истина пока заставляет меня сказать, что не могу, несмотря на все мои старания, – таков был неохотный искренний ответ.

– Разве я мог так измениться? Поглядите на меня. Или я тот, кто ошибается? Разве вы не сэр Генри Робертс, торговец-отправитель из Уилинга, Пенсильвания? Умоляю, если вы теперь размещаете рекламу на визитных карточках и одна из них случайно имеется при вас, просто посмотрите на неё, и увидите, что являетесь тем человеком, за которого я вас и принимаю.

– Почему же, – возможно, немного раздражённо, – я надеюсь, что знаю самого себя.

– И всё же о самопознании некоторые думают не настолько легко. Кто знает, мой уважаемый господин, но какое-то время вы, возможно, принимали себя за кого-то ещё? Случались ли более странные события?

Добрый торговец поднялся.

– Если подробно рассказывать, мой уважаемый господин, то я встретил вас уже приблизительно шесть лет назад в офисе братьев Брейд и Ко, как я полагаю. Я приехал в Филадельфийский дом. Старший Брейд представил нас, вы помните; последовала некая деловая беседа, тогда вы вынудили меня идти с вами домой на семейное чаепитие, и мы провели время в кругу семьи. Забыли вы и о самоваре, и что я рассказывал о Вертеровой Шарлотте, и о хлебе с маслом, и об этой капитальной истории, которую вы рассказали о большой буханке. Сто раз с тех

пор я смеялся по этому поводу. По крайней мере, вы должны вспомнить моё имя: Рингман, Джон Рингман.

– Старший Брейд? Пригласил вас на чай? Рингман?

– Рингман¹? Ринг? Ринг²?

– Ах, сэр, – печальная улыбка, – не бегайте по кругу. Я вижу, у вас плохая память, господин Робертс. Но поверьте в мою веру.

– Ну, по правде говоря, в некоторых вещах моя память лучше, чем у других, – таково было честное возражение. – Но, тем не менее, – добавил он недоуменно, – я всё ещё...

– О, сэр, удовлетворитесь тем, что всё обстоит так, как я говорю. Сомнений нет, мы все хорошо знакомы.

– Но... но мне решительно не нравится этот выпад против моей собственной памяти, я...

– Но вы же не можете не признать, мой уважаемый сэр, что в некоторых аспектах эта память о вас самом немного неверна? Тогда те, у кого есть неверные воспоминания, могут ли хотя бы довериться более верным воспоминаниям других людей?

– Но об этой дружественной беседе и чае у меня нет ни малейшего...

– Я вижу, я вижу; полностью стёрто таблетками. Умоляю, сэр, – с внезапным озарением, – приблизительно шесть лет назад не появилась ли у вас случайно рана на голове? Удивительные эффекты дают такие травмы. Ни одного бессознательного восприятия событий за большее или меньшее время, немедленно следующее за раной, но аналогичное – странно добавить – забвение, цельное и неизлечимое, относительно событий, охватывающих более длинный или более короткий период, немедленно предшествующий ей; то есть когда сознание в то время было совершенно нормальным у человека, оно так же полностью компетентно регистрировало те события в памяти, что действительно фактически и происходили; но всё было забыто вследствие ушиба.

После первоначального вступления у торговца уже появилось нечто большее, чем обычный интерес.

Другой продолжал:

– В детстве меня пнула лошадь, и я долгое время пролежал без чувств. После восстановления какая же наступила чистота! Никакого самого слабого следа воспоминаний о том, как я подошёл к лошади, или какова была эта лошадь, или где это было, или то, что случилось с лошадью, если она понесла меня к тому проходу. Знанием этих подробных сведений я обязан исключительно моим друзьям, чьим заявлениям, не стоит упоминать, я робко верю с тех пор, как некие события, должно быть, имели место; и почему они должны обманывать меня? Вы видите, сэр, что ум податлив, это очевидно, – но образам, податливо воспринятым им, требуется определённое время, чтобы укрепиться и затвердеть в его восприятии, иначе при таком несчастном случае, о котором я рассказал, рождается желание в момент стереть их, как будто они никогда не существовали. Мы всего лишь глина, сэр, гончарная глина, как говорится в хорошей книге; глина мягкая, а также податливая. Но я не буду философствовать. Скажите мне, случалась ли у вас какая-либо беда, в которой вы получили какое-либо сотрясение мозга в описанный период? Если так, то я с удовольствием заполню пустоту в вашей памяти, более чем поминутно воспроизводя обстоятельства нашего знакомства.

Растущий интерес, передавшийся торговцу, не слабел, пока рассказчик продолжал. После некоторого колебания, воистину несколько большего, чем сомнение, он признался в том, что, хотя он никогда и не получал описываемых ран, всё же в рассматриваемое время он фактически болел воспалением мозга, полностью потеряв воспоминания за значительный период. Он продолжал говорить, пока незнакомец с большим оживлением не воскликнул:

¹ Дословно – «букмекер» (англ.). – Прим. пер.

² Кольцо (англ.). – Прим. пер.

– И значит, вы видите, что я не совсем ошибался. Это воспаление мозга относится ко всему подобному.

– Нет, но...

– Простите меня, господин Робертс, – с уважением прерывая его, – но время коротко, и у меня есть нечто частное и особенное, чтобы сказать вам о нём. Позвольте мне.

Господин Робертс, славный человек, мог бы и не соглашаться и дважды молчаливо прошёл к безлюдному месту на палубе, но облик человека с пером внезапно принял почти болезненную серьёзность. Её можно было бы назвать скрытым выражением страдания. Он, казалось, боролся с некоторой пагубной потребностью что-то раскрыть. Он предпринял одну или две попытки говорить, но слова, казалось, задушили его. Его компаньон стоял в сострадательном удивлении – удивлении, вполне ожидаемом. Медленно, с усилием борясь со своими чувствами, терпеливым тоном он сказал:

– Если я помню, то вы масон, господин Робертс?

– Да, да.

Отводя от себя самого момент возвращения аргументации, незнакомец схватил другого за руку:

– И вы бы дали взаймы брату шиллинг, если бы он нуждался в нём?

Торговец встал, очевидно почти с желанием отступить.

– Ах, господин Робертс, я полагаю, что вы не из тех бизнесменов, кто делает бизнес, никогда не имея дел с неудачниками. Ради Бога, не оставляйте меня. У меня есть что-то на сердце... на моём сердце. При прискорбных обстоятельствах я оставлен среди чужаков, абсолютных чужаков. Мне нужен друг, которому я могу довериться. Вы, господин Робертс, почти первое известное лицо, которое я увидел за много недель.

Это была этакая внезапная вспышка; беседа составляла такой контраст к окружающей обстановке, что торговец, хотя и выглядящий очень несдержанным, всё же, чтобы не проявлять полного неуважения, оставался полностью неподвижным.

Другой, всё ещё дрожа, продолжал:

– Я не должен говорить, сэр, до чего это терзает мою душу, что за общепринятые «приветствия» следуют за такими словами, которые только что прозвучали. Я знаю, что подвергаю опасности свою репутацию. Но я не могу помочь ей: потребность не знает закона и не учитывает риска. Сэр, мы – масоны, ещё один шаг в сторону; я расскажу вам свою историю.

Низким, наполовину глухим тоном он начал говорить. С точки зрения его аудиторской выразительности это, казалось, был рассказ об исключительном интересе, приведшем к бедствиям, от которых никакая целостность, никакая предусмотрительность, никакая энергия, никакой гений и никакое благочестие не смогли бы уберечь.

При каждом его повороте сочувствие слушателя возрастало. Без сентиментальной жалости. В то время как история продолжалась, он извлёк из своего бумажника банкноту, но через некоторое время из-за некой ещё более несчастной подробности поменял её на другую, вероятно несколько большего достоинства, которую, когда история была завершена с ораторским старанием раздающего милостыню, он вложил в руку незнакомца, кто, в свою очередь, с ораторским старанием берущего милостыню положил купюру в свой карман.

При получении помощи поведение незнакомца приняло такой вид и такую степень этикета, которые при данных обстоятельствах показались почти неприветливыми. После нескольких слов, не совсем горячих и не совсем точно соответствующих моменту, он решил отойти, сделав поклон, как сумел, сознавая определённую сдержанную независимость в ситуации, при которой страдание, даже обременительное, не смогло согнуть его чувство собственного достоинства и благодарность, пусть даже глубокая, не смогла оскорбить джентльмена.

Он почти исчез из поля зрения, когда остановился, как будто размышляя; затем ускоренными шагами возвратился к торговцу:

– Мне просто напомнили, что президент, который является также трансфер-агентом угольной компании «Рапидс», оказался здесь на борту и, будучи вызванным в суд как свидетель, ссылающийся на записи в Кентукки, везёт свою трансфертную книгу с собой. И месяц прошёл с тех пор, как в панике, затеянной ловкими паникёрами, некоторые доверчивые акционеры распродали акции; но это и было целью паникёров. Компания, ранее предлагавшая такие схемы, манипулировала ими так, чтобы прибрать к своим собственным рукам принесённые в жертву акции, решив, что с тех пор, как поддельная паника пройдёт, создатели паники должны были бы от этого выиграть. Компания, я слышал, теперь в норме, но не беспокоится о том, чтобы повторно избавиться от тех акций, и, получив их по упавшей цене, теперь продаёт их по номиналу, хотя, тем не менее, до паники они котировались весьма солидно. То, что готовность компании сделать это не общеизвестна, доказано тем фактом, что запас всё ещё числится на трансфертной книге названной компании, предлагающей некоему фонду редкий шанс для инвестиций. Поскольку паника спадает всё более и более каждый день, то ежедневно отмечается, что это происходит; доверие будет более чем восстановлено, будет реакция, из-за сброса запаса их удорожание будет выше, чем от какого-либо падения, и держатели, доверяющие себе, не боятся повторения прежних событий.

Сначала слушая с любопытством, затем, наконец, с интересом, торговец ответил на рассказ, что некоторое время назад через своих друзей он слышал о компании, и слышал о ней много хорошего, но не осведомлён о том, что недавно были колебания. Он добавил, что не является спекулянтом, что до настоящего времени он избежал необходимости иметь какие-либо активы, но в данном случае он действительно ощутил некий соблазн.

– Умоляю, – в заключение, – вы думаете, что это повышение курса может быть проведено здесь, на борту, через трансфер-агента? Вы знакомы с ним?

– Не я лично. Я случайно услышал, что он оказался пассажиром. Из-за отдыха, хоть и несколько неофициального, джентльмен не будет возражать против выполнения небольшого дельца на борту. На Миссисипи, знаете ли, бизнес не столь церемонный, как на Востоке.

– Верно, – ответил торговец и посмотрел вниз, на мгновение задумавшись; затем, быстро подняв свою голову, сказал тоном не столь мягким, как обычно:

– Действительно, это кажется редким шансом; тогда почему вы, первым услышав о нём, им не воспользовались? Я имею в виду для себя!

– Я? Это было бы невозможно!

Это было сказано не без некоторой эмоции, и не без некоторого замешательства был дан ответ:

– Ах да, я забыл.

Эту фразу незнакомец, немало не смутившись, воспринял с умеренной серьёзностью, больше выразившейся в том, что показалось бы не то чтобы частью облика начальника, но, скажем, выговором; такое отношение бенефициария к его благотворителю смотрелось достаточно странно, тем не менее оно, так или иначе, выглядело не совсем не подходящим для бенефициария, ещё свободного от чего-либо, из-за ненадолго появившегося предположения, смешанного со своего рода болезненной щепетильностью, хотя и надлежащий смысл того, что он был обязан им самому себе, поколебал его.

Он медленно произнёс:

– Упрекаете бедного человека в пренебрежении и неспособности помочь самому себе денежными инвестициями, – нет, нет, нет, это было забвение, и это милосердие будет приписано некоему остаточному эффекту от того несчастного воспаления мозга, которое возникло уже давно, нарушив память господина Робертса ещё более серьёзно.

– Относительно этого, – сказал торговец, сжимаясь, – я не...

– Простите меня, но вы должны признать, что вот сейчас недостойное недоверие, хотя и неопределённое, исходило от вас. Ах, как мелка всё же эта тонкая штука – подозрение, кото-

рое время от времени может вторгнуться в человеколюбивые сердца и в самые мудрые головы! Но хватит. Моя цель, сэр, в привлечении вашего внимания к этому запасу в качестве признания вашей добродетели. Я не ищу благодарности, и если моя информация ни к чему не приведёт, то тогда вы должны будете запомнить причину её появления. Он поклонился и наконец удалился, оставив господина Робертса не совсем без угрызений совести, для того чтобы тот смог бы на мгновение потворствовать вредным мыслям относительно человека, который, вполне очевидно, был одарён чувством собственного достоинства, и которое ему самому это же самое потворство и запрещало бы.

Глава V

Человек с пером порождает вопрос, является ли он великим мудрецом или великим простаком

– Ну, есть горе в мире, но есть и благодать; и эта благодать отнюдь не незрелая, равно как и горе. Дорогой хороший человек. Бедное разбитое сердце!

Это был человек с пером, вскоре после ухода торговца бормотавший сам с собой, державшийся рукой за бок, как при сердечной боли.

Пришедшее размышление о доброте тоже, казалось, смягчило в нём что-то, может быть, потому, что помощь, возможно, была получена от того, чьё непривычное чувство собственного достоинства в час нужды и в процессе принятия помощи, возможно, является к некоторым не полностью, в отличие от гордости, появление которой не зависит от места и времени; и гордость в любой ситуации очень редко бывает чувствительна. Но правда, возможно, состояла в том, что те, кто меньше всего был тронут этим недостатком, и, кроме того, будучи весьма невосприимчивыми к совершенству, из-за соображений пристойности оказываются холодными, если не неблагодарными за полученное добро. Поскольку для того, чтобы наполнить людей тёплыми, серьёзными словами и сердечными заявлениями, нужно создать сцену; и воспитанные люди не любят подобные сцены, как эта, которая, как оказалось, смотрелась так, будто мир не смаковал ничего более серьёзного; но нет, не так; потому что мир, будучи серьёзным сам по себе, любит серьёзную сцену и серьёзного человека, что очень хорошо, но только на своём месте – на своей стадии. Смотрите, какую печальную работу они сотворили над теми, кто, игнорируя эту мысль, восстали в ирландском энтузиазме и с искренностью ирландского языка против благодетеля, который, будучи человеком настолько здравомыслящим и респектабельным, насколько и добрым, оказался так или иначе раздражён ими; и поэтому из нервной привередливой природы, как некоторые полагают, можно создать намного менее благодарного бенефициария, причиняющего боль своему благодетелю, как будто бы тот был виновен в чём-то обратном, да и то только по неосмотрительности. Но бенефициарии, которые соображают лучше, хотя и могут осознавать так же, если не больше, как не причинить какую-либо боль, не склонны избегать какого-либо риска из-за создавшегося эффекта. И они, будучи мудрыми, оказываются в большинстве. В нём каждый видит, насколько невнимательны те люди, которые из-за отсутствия официозных проявлений в мире жалуются, что не существует больше благодарности, в то время как правдой является то, что существует такое же количество скромности; но обе они, по большей части, выбирают тень, держась подальше от глаз.

Этим началом, при необходимости, можно считать то, что из-за изменившегося настроения человек с пером, отбросив конфиденциально холодную одежду этикета и таким образом открыв теплу свободы своё подлинное сердце, предстал уже почти другим существом. Его подавленный дух также мягко смешался с меланхолией, несдержанной меланхолией – настроением, хоть и расходящимся с уместностью, тем не менее, более подтверждающим его серьёзность; не каждый знает, что иногда происходит так, что там, где присутствует серьёзность, там также появляется и меланхолия.

В это самое время он, задумавшись, оперся на перила, устроенные вдоль борта корабля, не обращая внимания на другую задумчивую фигуру рядом – молодого джентльмена с лебединой шеей, носящего рубашку с благородно открытым воротником, отброшенным назад и перевязанным чёрной лентой. Из-за квадратной прошивки, занятно выгравированной греческими символами, он казался студентом колледжа – весьма вероятно, второкурсником, отправившимся в путешествие, а возможно, и первокурсником. В своей руке он держал маленькую книгу, обернутую в римский пергамент.

Слушая своего бормочущего соседа, молодой человек воспринял его с некоторым удивлением, если не сказать с интересом. Но, что странно для студента колледжа, очевидно застенчивого по природе, он не говорил; тогда другой ещё более усилил его застенчивость, перейдя от монолога к дискуссии в манере странной смеси дружелюбия и пафоса.

– Ах, кто это? Вы разве не слышали меня, мой молодой друг, не так ли? Да ведь вы тоже смотрите грустным. Моя меланхолия непривлекательна!

– Сэр, сэр, – запнулся другой.

– Умоляю, сейчас, – со своего рода печальной общительностью, медленно идя вдоль перил. – Умоляю, сейчас, мой молодой друг, что это за книга? Позвольте, я возьму, – мягко вытаскивая её из рук хозяина. – Тацит! – Затем, раскрыв её в случайном месте, прочитал: – «Совсем чёрный и позорный период предстаёт передо мной». Дорогой молодой сэр, – с тревогой касаясь его руки, – не читайте эту книгу. Это яд, моральный яд. Даже если бы и была правда в Таците, такая правда не служила бы истине потому, что была бы ядом, моральным ядом. Слишком хорошо я знаю этого Тацита. В мои ученические дни он едва не завёл меня в кислый цинизм. Да, я начал опускать свой воротник и ходить с презрительно-безрадостным выражением лица.

– Сэр, сэр, я... я...

– Доверьтесь мне. Теперь, молодой друг, возможно, вы думаете, что Тацит, как и я, всего лишь меланхолия; но всё обстоит серьёзней: он уродлив. Значительные отличия, молодой сэр, есть между печальным видом и уродливым. Что-то может казаться миром, всё ещё красивым, но другое не таково. Одно может быть совместимым с благосклонностью, другое – нет. Один может углубить способность проникновения в суть, другой – смотрит лишь на поверхность. Бросьте Тацита. Если взглянуть с френологических позиций, мой молодой друг, то у вас, кажется, вполне развитая голова – и большая, но запертая в границах уродливых представлений, и, с точки зрения Тацита, ваш большой мозг, как и ваш большой бык, оказавшийся на сжатом поле, будет обречён на ещё больший голод. И не мечтайте, что часть из ваших студентов, получив те же самые уродливые представления и уродливые знания из более глубоких книг, сможет приоткрыть их вам. Бросьте Тацита. Его тонкость ошибочна, к нему, к его дважды усовершенствованной анатомии человеческой природы хорошо применимо высказывание Священного Писания: «Есть искусный человек и прочие, им обманутые». Бросьте Тацита. Ну-ка, позвольте мне выбросить книгу за борт.

– Сэр, я... я...

– Ни слова; я знаю, что сейчас в вашем уме, и это то, о чём я сказал. Да, узнайте от меня, что, хотя печали мира и велики, его зло – то есть его уродство – мало. Много есть причин, чтобы пожалеть человека, и мало причин не доверять ему. Я сам познал бедствие и знаю его до сих пор. Но ради этого стоит ли перевоспитывать циника? Нет, нет, это слабый, ничтожный ручеек. Моим ближним я обязан облегчением. Поэтому, независимо от того, чему я, возможно, подвергся, это уже не углубляет мою веру в моё видение. И потому теперь, – подкупаяще, – вы позвольте мне утопить эту книгу... ради вас?

– Действительно, сэр... я...

– Я вижу, я вижу. Ну конечно, вы читаете Тацита, чтобы помочь себе в понимании человеческой природы, – как будто правда когда-либо достигалась клеветой. Мой молодой друг, если знать человеческую природу, которая является вашим объектом, то бросьте Тацита и пойдите на север, на кладбища Эберна и Гринвуда.

– Честное слово, я... я...

– Но я всё это уже предвижу. Но вы носите Тацита, маленького Тацита. Что вы носите? Вижу: издание карманного объёма – «Акенсайд», его «Удовольствие воображения». На днях вы узнаете его. Безотносительно к нашей судьбе, мы должны читать безмятежные и радостные книги, приспособленные для того, чтобы вдохновляться любовью и доверием. Но Тацит! Я

давно полагал, что эта классика – отравка для колледжей; не из-за намёка на безнравственность Овидия, Горация, Анакреона и остальных и опасной набожности Эсхила и других, – где же ещё каждый может найти взгляды, столь вредные для человеческой природы, если не в Фукидиде, Ювенале, Лукиане, но более подробно в Таците? Как подумаю, что начиная с возрождения изучения эта классика имеет последовательных поклонников среди поколений студентов и прилежных мужей, то содрогаюсь от той массы скрытой ереси на каждую жизненную тему, которая в течение многих столетий, должно быть, незаметно кипела в сердце христианского мира. Но Тацит – он самый необычный пример еретика; ни одной йоты веры в его мыслях. Как же смешно то, что такое нужно счесть мудрым и Фукидиду уважать как государственного деятеля! Но Тацит – я ненавижу Тацита; но тем не менее я верю, с ненавистью, которая грешна, но со справедливой ненавистью. Без веры в самом себе Тацит разрушает её во всех своих читателях. Разрушает веру, отеческую веру, о которой Бог говорит, что без неё в этом мире не будет ни одного спасённого. Почему вы, сравнительно неопытный мой дорогой юный друг, никогда не замечаете, как мало, очень мало там веры? Я имею в виду – у человека к человеку, более точно – у одного незнакомца к другому. В печальном мире это самый печальный факт. Вера! Я почти думаю, что от веры бегут, что вера – это новая Астрея: пропала – исчезла – была украдена. – Затем, мягко подойдя ближе, с мягким придыханием, с мелкой дрожью и закатыванием глаз: – Можете ли вы теперь, мой дорогой молодой сэръ, при таких обстоятельствах в качестве эксперимента просто поверить мне?

С первого момента появления незнакомца второкурсник боролся с постоянно увеличивающейся тяжестью, возникшей, возможно, от столь странных замечаний, исходивших от незнакомца, – и столь же постоянных и длительных. Он не раз напрасно надеялся рассеять чары, пытаясь сказать умоляющее или прощальное слово. Напрасно. Так или иначе, незнакомец очаровал его. Чему было удивляться, что, когда к нему кто-то обратился, он едва мог сказать что-либо, но, как прежде сообщалось, из-за своего стеснительного характера резко удалялся с места, избегая скверного незнакомца и уходя подальше в противоположном направлении.

Глава VI, в начале которой некоторые пассажиры остаются глухими к просьбе о милосердии

– ...Вы... тьфу! Почему капитан терпит этих нищих, гуляющих по борту?

Эти раздражённые слова выдохнул состоятельный джентльмен в бархатном жилете рубинового цвета, со щеками рубинового цвета, держащий трость с рубиновым набалдашником, в человека в сером пальто и фраке, который вскоре после интервью, недавно описанного, обратился к нему за помощью на вдово-сиротский приют, недавно основанный среди семинолов. На первый взгляд, этот последний человек, возможно, казался, как и человек с пером, одним из классических порождений каких-либо бедствий; но при более близком рассмотрении его самообладание говорило о немногих бедствиях и набожности.

Добавив слова о раздражительном отвращении, состоятельный джентльмен поспешил дальше. Но, хоть отказ и был груб, человек в сером не высказал упрёка и какое-то время терпеливо оставался в холодном одиночестве, в котором его оставили, и его самообладание, однако, скрывалось лишь символически, хотя и со сдержанной уверенностью.

Наконец старый джентльмен, несколько грузный, подошёл поближе и также внёс свою лепту.

– Посмотрите, вы, – резко остановился и нахмурился на него. – Посмотрите, вы, – раздуваясь своей массой перед ним, как качающийся на привязи воздушный шар, – смотрите, вы, вы от имени других просите деньги; вы, человек с лицом настолько же длинным, как моя рука. Прислушайтесь теперь: есть такая вещь, как сила тяжести, и для осуждённого преступника она не может быть поддельной; но существует три вида вытянутых лиц: у ломовой лошади из-за горя, у человека со впалыми щеками и у самозванца. Вы лучше всего знаете, которое ваше.

– Да ниспошлют вам небеса побольше милосердия, сэр.

– И вам поменьше лицемерия, сэр.

С этими словами жестокий старый джентльмен ушёл прочь, в то время как другой, всё ещё стоящий несчастный молодой священнослужитель, прежде упомянутый, проходя тем же путём, заметив его, казалось, был внезапно поражён неким воспоминанием и после паузы поспешно произнёс:

– Прошу прощения, но с какого-то времени я не отвожу взгляда от вас.

– От меня? – удивляясь, что его скромная личность могла привлечь внимание.

– Да, от вас; вы знаете что-либо о негре, очевидно калеке, здесь на борту? Является ли он таковым или только кажется?

– Ах, бедный Гвинея! Вы тоже не верите? Разве вы тот, кому природа доверила афишировать доказательства ваших утверждений?

– Тогда вы действительно знаете его и он вполне достойный человек? Это освобождает меня от обязанности слышать его, совсем освобождает. Ну, давайте пойдём, найдём его и увидим, что можно сделать.

– Другое дело, что вера может прийти слишком поздно. Мне тяжело говорить, что на последней остановке я сам – просто оказавшись и заметив его на трапе – помог калеке на берегу. Не было времени, чтобы поговорить, только помочь. Он мог не сказать этого вам, но у него есть брат в этой округе.

– Действительно, я снова сожалею о его передвижении без моего наблюдения; сожалею о нём, возможно, больше, чем вы готовы думать. Вы видите, что вскоре после отъезда из Сент-Луиса он был на баке, и там со многими другими пассажирами я видел его и поверил ему; и, более того, чтобы убедить тех, кто ещё не убедился, я по его просьбе отправился на ваши

поиски, поскольку вы были одним из тех людей, о которых он упомянул и чьё личное появление он более или менее описал, люди, о которых он сказал, будут охотно свидетельствовать в его пользу. Но, после старательного поиска, не найдя вас и не найдя даже проблеска других, которых он перечислил, опять пошли сомнения, но сомнения косвенные, как я полагаю, из-за опережающего недоверия, бесчувственно выказанного другими. Однако бесспорно то, что я начал подозревать.

– Ха-ха-ха!

Иной смех больше похож на стон, чем на собственно смех; и всё же, так или иначе, эти звуки, казалось, относились к смеху.

Оба обернулись, и молодой священнослужитель привстал при наблюдении за человеком с деревянными ногами, оказавшимся близко позади него, мрачным и серьёзным, словно судья по уголовным делам с баннным листом на спине. В данном случае банный лист, возможно, был памятью о неких недавних резких отказах и смертных приговорах.

– Вы не думали, что тем, над кем смеются, оказались вы?

– Но кто был тот, над кем вы смеялись? Или, скорее, попробовали посмеяться? – спросил молодой священнослужитель, подступая. – Надо мной?

– Ни над вами, ни над кем-либо другим в тысяче миль от вас. Но возможно, что вы не верите в это.

– Если бы он имел подозрительный характер, то он не смог бы, – спокойно вмешался человек в сером. – Это одна из блажей подозрительного человека, предположившего, что на каждого рассеянного незнакомца, видящего много улыбающихся или машущих ему людей в любой точке пути, готовится покушение. При определённом настроении движение всей улицы подозрительному человеку, спускающемуся с неё, будет казаться экспрессивным пантомимическим глумлением над ним. Короче говоря, подозрительный человек пинает сам себя своими собственными ногами.

– Кто бы ни сделал это, десять к одному, что он исключительно бережёт кожу других людей, – сказал человек с деревянными ногами, с трудом пытаясь улыбнуться. Но с широкой усмешкой и беспокойством он обратился непосредственно к молодому священнослужителю: – Вы всё ещё думаете, что это были... вы... над кем я сейчас смеялся. Доказывая вашу ошибку, я скажу вам, над чем я... насмеялся; история, как помните, оказалась именно такой.

После чего, своим путём дикобраза и с саркастическими деталями, неприятными для повторения, он обратился к истории, которая могла бы быть, возможно, представлена в добродушной версии, но была представлена именно так:

Некий француз из Нового Орлеана, старик с кошельком менее стройным, чем его конечности, однажды вечером оказавшись в театре, был так очарован персонажем верной жены, который был там представлен на сцене, что решил во что бы то ни стало жениться. Так он и сделал, женившись на красивой девушке из Теннесси, которая сначала привлекла его внимание своими формами и впоследствии была рекомендована ему её семьёй, частично из-за её гуманитарного образования, частично из-за её к нему расположения. Похвала, хоть и большая, приоткрыла не слишком многое, поскольку задолго до того слух, более чем подтверждающий это, донёс, что леди не отличалась верностью. Но, несмотря на различные обстоятельства, которые большинство бенедиктинцев сочли бы почти неопровержимыми, должным образом сообщённые старому французскому другу, его вера оставалась прежней и он не верил ни единому слову, пока не вышло так, что однажды ночью он неожиданно вернулся из поездки домой и после того, как он вошёл в свою квартиру, раздался удивлённый вопль из алькова: «Бежар!» Таков был крик. «Теперь я... начинаю... подозревать».

Рассказав свою историю, человек с деревянными ногами отбросил назад голову и издал долгий, задыхающийся хрип, невыносимый, как у двигателя высокого давления, со свистом удаляющегося пар, и, сделав так, с очевидным удовлетворением захромал дальше.

– Кто этот насмешник? – не без горячности сказал человек в сером. – Кто он такой, если даже с правдой на его языке, с его способом произносить её делает правду почти столь же оскорбительной, как и неправда? Кто он?

– Тот, про кого я упоминал вам как не верящего негру, – ответил молодой священнослужитель, оправляясь от волнения. – Одноногий человек, которому я приписываю происхождение моего собственного неверия; он упорствует в том, что Гвинея был неким белым негодяем, изловчившимся и перекрашенным для приманки. Да, это были те самые его слова, я полагаю.

– Невозможно! Он не мог так заблуждаться. Умоляю, отзовите его назад и позвольте мне спросить его, действительно ли он был серьёзным.

Другой подчинился и наконец после немногих неприветливых возражений предложил одноногому ненадолго вернуться, после чего человек в сером так обратился к нему:

– Этот преподобный джентльмен говорит мне, сэр, что конкретного калеку, бедного негра, вы считаете изобретательным самозванцем. Теперь я вполне уверен, что есть некоторые люди в этом мире, кто неспособен предоставить лучшего доказательства, и им становится приятно получать странное удовлетворение, как они полагают, от показа того, что они способны правильно угадывать скверные намерения в людях. Я надеюсь, что вы не один из них. Короче говоря, не могли бы вы сказать мне теперь, не баловались ли вы просто тем термином, которым вы наградили негра? Не будете ли вы так добры?

– Нет, я не буду так добр, я буду так же жесток.

– Скажите об этом так, как вам хочется.

– Ну, он был тем, кем я его назвал.

– Белый, замаскированный под чёрного?

– Истинно так.

Человек в сером на одно мгновение взглянул на молодого священнослужителя, затем спокойно зашептал ему:

– Я думал, что вы представляли своего приятеля здесь как очень подозрительного на вид человека, но он, кажется, наделён исключительным неверием. Скажите мне, сэр, вы действительно думаете, что белый мог запросто сойти за негра? Ради одного этого я должен сказать о довольно хорошей игре.

– Не намного лучшей, чем какие-либо другие действия человека.

– Как? Весь мир театр? Я... что... актёр? Мой преподобный друг здесь тоже исполнитель?

– Да, разве вы оба не совершаете действий? Чтобы сделать, должно действовать; таким образом, все деятели актёры.

– Вы несерьёзны. Я спрашиваю снова: если он белый, то как он мог сойти за негра?

– Я полагаю, вы никогда не видели негритянских менестрелей?

– Да, но люди склонны переоценивать чёрных; иллюстрация старой поговорки, не более справедливой, чем милосердной, что «дьявол не столь чёрен, сколько окрашен». Но его конечности, – если он не калека, то как он мог их так выгнуть?

– А как другие лицемерные нищие сгибают их? Это довольно легко заметить, как только они оказываются поднятыми с мест.

– Тогда обман очевиден?

– Для проницательного глаза, – ужасающе буравя его своим глазом.

– Ну, где Гвинея? – сказал человек в сером. – Где он? Позвольте нам хоть раз найти его и опровергнуть без придинок эту вредную гипотезу.

– Сделайте так, – вскричал одноногий человек. – Мне одному будет смешно оттого, что его найдут и оставят полосы от этих пальцев на его краске, как лев оставляет полосы от своих когтей на кафре. Они не позволили мне тронуть его прежде. Да, найдите его, я заставлю шерсть взлететь и затем его самого.

– Вы забываете, – сказал тут молодой священнослужитель человеку в сером, – что сам бедный Гвинея, которому помогали, уже находится на берегу.

– Поэтому я и сказал то, что я сказал; это бесполезно. Но посмотрите теперь, – к другому, – я думаю, что без личного доказательства смогу убедить вас в вашей ошибке. Вы полагаете вполне разумным предположить, что человек с мозгами вполне способен играть такую роль, о которой вы говорите, и он может предпринять все усилия и пройти через все опасности ради простой выгоды от тех немногих смешных медяков, которые, как я слышал, были всем, что он получил из-за своих болей, если бы таковые имелись?

– Это неопровержимо, – сказал молодой священнослужитель, оспаривая мнение одноногого человека.

– Вы – два юнца! Вы думаете, что деньги являются единственным поводом для болей и опасностей, обмана и колдовства в этом мире. Сколько денег заработал дьявол, обманывая Иова?

После чего он захромал прочь снова, воспроизводя свой невыносимый смех.

Человек в сером тихо стоял, некоторое время наблюдая его отступление, и затем, повернувшись к своему компаньону, сказал:

– Плохой человек, опасный человек; человек, который будет подавлен в любом христианском обществе. И это был тот, кто явился источником порождения вашего неверия? Ах, мы должны закрыть уши, чтобы не доверять, и держать их так, открывая только ради противоположного.

– Вы декларируете принцип, – используй я его этим утром, – который должен был уберечь меня от того, что я теперь чувствую... Этот человек с одной ногой не единственный, кто источает такую злую силу; одно его злобное слово превращается в настоящую кислоту (что, как я знаю, и произошло), разлитую среди довольно добродушной многочисленной компании. Но, как я намекнул, со мной в то время, когда его злые слова пропали впустую, случилось то же самое, что и теперь; только впоследствии они возымели эффект, и я признаюсь, что озадачили меня.

– Этого не должно произойти. На добрые умы дух неверия воздействует как некоторые микстуры; это – дух, который может войти в такие умы и всё же какое-то время, долгое или нет, лежать в них неподвижно; но от него финал станет более прискорбным.

– Безрадостная перспектива; и с тех пор, как этот скандалист появился и во мне снова возникла его отравка, как могу я быть уверенным, что моё настоящее освобождение от его воздействия продолжится?

– Вы не можете быть уверены, но вы можете воспротивиться ему.

– Как именно?

– Задушив мельчайший признак недоверия любого вида, который от любой провокации может возникнуть в вас.

– Я так и сделаю. – Затем добавил, как в монологе: – Воистину, воистину я оказался в пассивном состоянии под влиянием этого одноногого человека. Моя совесть бранит меня. Бедный негр! Вы, возможно, иногда видите его?

– Нет, не часто; хотя через несколько дней после того, как это произошло, мои обязанности приведут меня в места его настоящего пребывания; и, без сомнения, честный Гвинея, как благодарная душа, придёт, чтобы увидеть меня там.

– Тогда вы его благодетель?

– Его благодетель? Я не говорил этого. Я знаю его.

– Возьмите эту мелочь. Вручите её Гвинею, когда увидите его; скажите, что она пришла от того, кто полностью верит в его честность и искренне сожалеет хоть и о скоротечном, но всё же потворстве противоположным мыслям.

– Я принимаю ваше доверие. И, между прочим, так как вы обладаете столь благотельной натурой, вы не отклоните обращение о помощи вдовосиротскому приюту семинолов?

– Я не слышал об этой богадельне.

– Но она основана недавно.

После паузы священнослужитель нерешительно засунул руку в карман, затем, застигнутый выражением чего-то в лице его компаньона, он уже следил за ним с любопытством, почти тревожно.

– Ах, ну, в общем, – бледно улыбнулся другой, – если эта тонкая отравка, о которой мы говорили, так скоро начала действовать, то мы напрасно обратились к вам. До свидания.

– Нет, – чувствуя себя задетым, – вы несправедливы ко мне; вместо того чтобы требовать для себя снятия возникших подозрений, я хочу поскорее покрыть предыдущий причинённый ущерб. Вот кое-что для вашего убежища. Не очень много, но каждый взнос помогает. Конечно же, у вас имеется бумага?

– Конечно, – доставая записную книжку и карандаш. – Позвольте мне записать имя и количество. Мы публикуем эти имена. И теперь позвольте мне рассказать вам краткую историю нашего приюта и чудесный путь, с которого всё началось.

Глава VII

Джентльмен с золотыми пуговицами на манжетах

В этом интересном месте повествования, с той же минуты, из-за сильного любопытства и, воистину, безотлагательно, рассказчик прервал свой рассказ, оказавшись всецело отвлечённым от него и от своей истории потому, что увидел джентльмена, который пребывал в его поле зрения с самого начала, но до сих пор, как оказалось, замечен им не был.

– Простите меня, – сказал он, поднимаясь, – но вон там стоит тот, кого я знаю, кто мне поспособствует в главном деле. Не поймите превратно, если я оставлю вас.

– Идите: долг важнее всего, – прозвучал честный ответ. Незнакомец был человеком более чем привлекательным. Он выделялся своей обособленностью и спокойствием и всё же своим простым взглядом уводил человека в сером от его истории, почти грациозно, подобно некоему вязу с плотной кроной, стоящему одиноко на лугу и соблазняющему в полдень жнеца, дабы тот бросил свои снопы и поддался зову милостивой тени.

Но мнение, что совершенство не такая уж и редкая вещь среди мужей, в мире широко распространено, и оно есть у любого народа – что любопытно, – и оно выделяло незнакомца и заставляло его быть похожим по виду на иностранца среди толпы (отчего для некоторых его появление стало более или менее нереальным в этой портретной живописи), выделяя его всего лишь выразительностью как распространённой характерной чертой. Полным совершенством казался он, соединённый с таким же богатством, и его имеющийся собственный личный опыт вряд ли познал болезнь, физическую или моральную; и если учитывать знания или возможности существования какой-либо серьёзной научной степени (предположив, что такая степень у него была) из-за наблюдательности или склонности к философии, то вероятно, что из-за такого характера его противники либо были недостаточно опытными, либо полностью отсутствовали. Для остальных он, возможно, выглядел пятидесяти пяти или, возможно, шестидесяти лет, но высоким, румяным, отчасти пухлым и отчасти полным, подтянутым, со свободным характером – и к времени, и к месту, без намёка на его лета, одетым со странной праздничной законченностью и элегантностью. Подкладка его пальто была из белого атласа, которая, возможно, выглядела особенно неуместной, если б не оказалась частицей более простого покроя, чем-то вроде эмблемы, каковой она и являлась; непреднамеренная эмблема, скажем прямо, выглядела весьма приятной, и даже более приятной, чем вся внешняя сторона; нет, у прекрасного одеяния была ещё более прекрасная подкладка. На одной руке он носил белую лайковую перчатку, но другая рука, та, что была без перчаток, выглядела едва ли менее белой. Теперь, когда «Фидель», как большинство пароходов, имел палубу, немного исполосованную сажей в разных местах, особенно на перилах, то благодаря чудесному обстоятельству эти руки сохранили свою безупречность. Но если бы вы понаблюдали за ними некоторое время, то заметили бы, что они избежали прикосновения к чему-либо; вы заметили бы, проще говоря, что тело любого чернокожего слуги, чьи руки природа окрасила в чёрное, возможно, сделала это с той же самой целью, при которой мельники становятся белыми; руки этого негритянского слуги много служат своему владельцу, имеющему грязные мысли на их счёт, но не имеющему их в отношении своих предубеждений. Но если, не пятная себя последствиями, джентльмен продемонстрирует пороки, то каким же испытывающим ударом это окажется! Но это было бы недопустимо; и даже если бы и было, то никакой разумный моралист не стал бы провозглашать этого.

Поэтому этот джентльмен, как следует разумно утверждать, знал, как и иудейский губернатор, как содержать свои руки в чистоте, и никогда в своей жизни не избегал внезапно возни-

кающего торопливого маляра или чистильщика; одним словом, весьма удачно здесь оказался этот очень приятный человек.

Не то чтобы он смотрелся своего рода Уилберфорсом во всём; этим превосходным качеством он, вероятно, не обладал; ничто в его поведении не означало его праведности, только благообразность, и хотя быть приятным гораздо ниже того, чтобы быть праведным, и поскольку есть различие между этими двумя, всё же не стоит надеяться, что это совсем несовместимо, праведный человек не может не быть приятным человеком; хотя с точки зрения проповедника было очень убедительно доказано, что просто приятный человек, то есть из-за одной лишь красоты его природы, всё же далёк от праведности, и не что иное, как полное изменение и преобразование могут сделать его таким; и то, что он в чём-то нечестен, хорошо описано в истории праведности, чего не стоит отрицать; однако, начиная со времени самого святого Павла, в некотором смысле соглашаясь с различием точки зрения проповедника, хоть и частично отбросив эту точку зрения, а также довольно явно сообщая, которое из этих двух рассматриваемых качеств заслуживает его апостольского предпочтения, я передаю то, что многозначительно сказал святой Павел, а именно: «...едва ли ради праведного человека умрёт один, но возможно, что ради хорошего человека посмели бы умереть даже многие»; поэтому, когда мы ещё раз говорим про этого джентльмена, что он был только приятным человеком, то, какие бы серьёзные цензоры ни выступали против него, нужно всё ещё надеяться, что его совершенство не будут, по крайней мере, считать преступным. Во всяком случае, никакой человек, даже праведный, не решился бы совершенно законно сдать этого джентльмена в тюрьму за громкое преступление, если бы счёл его таким; и, более всего, пока всё не станет известно, будет некоторый шанс, что джентльмен может, в конце концов, оказаться вполне невиновным в этом, как и он сам.

Было приятно заметить хорошего человека, приветствующего человека праведного, то есть человека в сером, более низкого роста, очевидно, но более значительного по социальной шкале, чем по высоте. Словно гибкий вяз, приятный человек, казалось, раскачивался, нависая своей совершенной кроной над этим просителем, но не в тщеславной снисходительности, а с той самой прелестью истинной величественности, которая может относиться по-доброму к любому человеку, не преклоняясь перед ним.

На просьбу о помощи вдово-сиротскому приюту джентльмен, после того как должным образом ответил на пару вопросов, извлёк вполне просторный бумажник в старом добром роскошном стиле из прекрасного зелёного французского сафьяна и мастерски сшитый вместе с шёлком того же самого цвета, где ветхие купюры не смешивались с новыми, только что вышедшими из банка, с полным отсутствием какой-либо грязи на них. Эти купюры ещё могли принести пользу, но куда оставались не запятнанными миром и незагрязнёнными. Вложив теперь три из этих девственных купюр в руки просителя, он понадеялся, что малый размер вклада будет прощён; но, по правде говоря, все они и составляли его извинения, так как он был привязан лишь к короткому отрезку времени, плывя вниз по течению, дабы днём в праздничной роше насладиться свадьбой своей племянницы, – поэтому он и не носил с собой много денег.

Он горячо выразил свою благодарность, когда джентльмен в знак признательности написал ему: благодарность была принята и с другой стороны. Для него, сказал он, милосердие было в каком-то смысле не усилием, а роскошью, противостоящей слишком большой снисходительности, о которой его стюард, весельчак, иногда предупреждал его.

В некоем последующем общении, которое касалось организации благотворительности, джентльмен выразил своё сожаление, что многие существующие благотворительные общества тут и там изолированы и разделены между собой, не действуют сообща, а единение в пути, происходящее в каждом сообществе, созданном людьми, его составлявшими, закончится, как он мыслит, преимуществом в более широком масштабе. Действительно, такая конфедерация

могла бы, возможно, получить удачные результаты с политической точки зрения, если бы этому уделяли внимание со стороны государства.

Его к настоящему времени сильно осаживал компаньон, говоря, что это предложение имело бы эффект, проиллюстрированный в соответствующем понятии Сократа, что душа гармонична; постольку, поскольку звук флейты, в любом особом ключе, будет, как говорится, внятно вызывать соответствующий хороший аккорд в любой арфе, оказавшейся у слушателей, именно так создавая некую последовательность, отвечающую ему, и оживляя его.

Это оживление, между прочим, смогло коснуться не только человека в сером, учитывая его не совсем бодрое поведение, когда, поначалу заведённый, он уже был не готов в целом после беседы принять трезвый, в определённой степени, факт, что для определённых натур в трезвой атмосфере иногда из-за утверждения пустоты материала, хорошее убеждение, его не растратить впустую, может быть использовано эффективнее, особенно когда представится такая возможность. То, что за этим последовало со стороны человека в сером, будет далее проиллюстрировано и, возможно, будет несколько поразительно, что описано такой ремаркой, как эта.

– Сэр, – сказал он нетерпеливо. – Я стою перед вами. Проект, но не сходный с вашим, был мною выставлен на Всемирной выставке в Лондоне.

– Всемирная выставка? Вы там были? Простите, как это случилось?

– Сначала позвольте мне...

– Нет, но сначала скажите мне, что привело вас на ярмарку?

– Я приехал, чтобы показать мягкое кресло для инвалидов, которое я изобрёл.

– Значит, вы не всегда занимались благотворительностью?

– Разве это не благотворительность – ослабить человеческое страдание? Я верю, всегда верил, да и всегда буду верить в благотворительный бизнес, как вы называете его; но милосердие не походит на иглолку, втыкаемую то в одну, то в другую точку; милосердие – работа, в которой хороший работник может быть компетентней всего своего подразделения. Я изобрёл своё универсальное мягкое кресло в свободное от сна и еды время.

– Вы называете его универсальным мягким креслом; умоляю, опишите его.

– Моё универсальное мягкое кресло-стул – целиком соединённое, вращающееся и плавающее, сплошь упругое, эластичное и послушное самому воздушному прикосновению, изменяемое положение спинки, сиденье, подножки и подлокотники, для самого беспокойного тела, наиболее измученного тела, ну, я почти добавлю, что и сильно измученная совесть, так или иначе, должна где-нибудь найти отдушину. Полагая, что я должен предложить такой стул страдающему человечеству повсюду, я собрал свои скромные средства и отправился с ним на Всемирную выставку.

– Вы сделали правильно. Но ваша схема – как вы пришли к ней?

– Я собирался сказать вам. После обнародования моего изобретения, должным образом описанного и размещённого, я поразмыслил о презентации самого себя. Поскольку я сосредоточился на ярком искусном театрализованном представлении на конкурсе наций и раздумывая о том, что здесь, в стеклянном павильоне, торжествует цвет мира, то недолговечность всемирного великолепия глубоко впечатлила меня. И я сказал себе, что смогу увидеть, сможет ли этот миг славы подать намёк на прибыль большую, чем была задумана. Позвольте некоему всемирному милосердию быть реализованным во всём мире. Короче говоря, вдохновлённый этой сценой, на четвёртый день я обнародую на Всемирной выставке свою брошюру о Всемирном милосердии.

– Стоящая мысль. Но, умоляю, поясните её.

– Всемирное благотворительное общество должно быть обществом, включающим представителей от каждого благотворительного общества и существующих миссий, единственной целью которого будет привести в систему мировую благотворительность, при которой, наконец,

с существующей системой добровольных и разнородных вкладов должно быть покончено; и где Общество уполномочит все правительства к ежегодному налогу, единому великому налогу на благотворительность на всё человечество; как во время Цезаря Августа весь мир пришёл к налогообложению, схема налога в котором была чем-то вроде подоходного налога в Англии, налога, как прежде отмечалось, консолидирующего все возможные налоги на благотворительность; как здесь, в Америке, есть государственный налог, и налог графства, и городской налог, и подушный налог, взываемые одновременно. Этот налог, согласно моим заботливым вычислениям, привёл бы к ежегодному подъёму фонда почти на восемьсот миллионов; этот фонд будет ежегодно применяться для таких целей, и такие учреждения, как различные благотворительные учреждения и миссии, в общем конгрессе представителей могли бы устанавливаться декретом, посредством чего через четырнадцать лет, как я рассчитываю, он был бы посвящён добрым делам на сумму одиннадцать тысяч двести миллионов, которая гарантировала бы роспуск Общества, потому что если этот фонд рассудительно расходовать, то ни одного нищего или язычника не останется во всём мире.

– Одиннадцать тысяч двести миллионов! И все, передавая по кругу... шляпу... это так.

– Да, я не Фурье, прожектёр невозможной схемы, но я филантроп и финансист, интегрирующий филантропию и финансы, которые реальны.

– Реальны?

– Да. Одиннадцать миллиардов двести миллионов, это не напугает никого, кроме отдельного филантропа. Что, если не восемьсот миллионов в течение четырнадцати лет? Сейчас восемьсот миллионов – что это, если не среднее число, но разве один малый доллар не важен для населения планеты? И кто откажется, если турок или даже даяк свой собственный малый доллар отдаст ради сладкой доброты милосердия? Восемьсот миллионов! Больше, чем сумма, ежегодно расходуемая человечеством не только на тщеславие, но и на бедствия. Посмотрите на этого кровавого расточителя – войну. И разве человечество настолько глупо и настолько зло, что для демонстрации этих вещей оно не будет, выверяя свои пути, посвящать излишки своих средств благодетельствованию мира вместо его проклятия? Восемьсот миллионов! Оно не должно собирать их, они уже ему принадлежат; нужно только направить их от плохого к хорошему. И для этого потребуется немного самоотречения. Фактически оно не было бы в массе своей более бедно из-за одного гроша, как, конечно, оно не было бы в целом лучше и счастливей. Разве вы не видите? Но признайте как должное, что человечество не безумно и мой проект реален. Разве существо, не будучи безумным, творило бы добро вместо зла, когда всё это, хорошее или плохое, должно будет вернуться к нему же самому?

– Ваш вид рассуждения, – сказал приятный джентльмен, поправляя свои золотые пуговицы на манжете, – всем кажется достаточно разумным, но у человечества есть привычка делать то, что оно делает.

– Тогда человечество, по существу, не рассуждает, если сила привычки так обходится с ним.

– Это не приводит к цели. Между прочим, из ваших ссылок на перепись в мире получается, что, согласно вашей всемирной схеме, нищий не меньше, чем набоб, должен способствовать облегчению нищеты и язычник не меньше, чем христианин, обращению язычников. Это так?

– Почему же? Это, простите меня, придирика. Теперь ни одному филантропу не понравится противостоять двусмысленности.

– Хорошо, я не буду больше придираться. Но, в конце концов, если я понимаю ваш проект, то в нём мало принципиально нового; кроме того, вы хотите прирастить задействованные средства?

– Увеличением и проявлением энергии. С одной стороны, миссии я бы полностью реформировал. Миссиям я бы придал дух Уолл-стрит.

– Дух Уолл-стрит?

– Да. Поэтому, если откровенно, определённые духовные окончания будут иметь место, но затем, через вспомогательное агентство всемирных средств, – к большей прибыли, извлечённой из таких духовных приобретений; примерами международной политики в мировых проектах эти духовные проекты не должны будут пренебрегать. Короче говоря, обращение язычника будет идти до тех пор, пока, по крайней мере, в зависимости от усилий человека, благотворительность в мире не будет остановлена по умолчанию. Поэтому много предложений по преобразованию Индии, также много и по Борнео, также много и по Африке. Компетенция позволяет, стимул будет дан. Только бы не случилось летаргии от монополии. У нас не должно быть миссионерских домов или путевых домов, из-за чего клеветники с любым правдоподобием могли бы сказать, что из-за бюрократии мы перерождаемся в подобие таможни. Но основной пункт – Архимедова денежная сила, которая будет пущена в ход.

– Вы имеете в виду восемьсот миллионов сил?

– Да. Вы видите, что мелкая благотворительность для мира, по сути, просто пустяк. Я за то, чтобы приносить добро миру с желанием. Я за то, чтобы было желание приносить благо миру раз и навсегда и сделать это заодно с ним. Потрудитесь подумать, мой уважаемый господин, о водоворотах и мальстримах язычников в Китае. Люди здесь совсем не имеют концепции добра. Из-за морозного утра в Гонконге нищих язычников находят мёртвыми на улицах в таком же количестве, сколько находят раздавленных горошин в мусорном ведре. Бессмертное существо в Китае не более различимо, чем снежинка в снежном вихре. Что для таких людей один-два счёта от миссионеров? Нужно увеличение от понюшки до размеров кракена. Я стою за посылку лично десяти тысяч миссионеров и обращение массы китайцев в течение шести месяцев после высадки. Тогда дело будет сделано, и мы обратимся к чему-нибудь ещё.

– Я боюсь, что вы слишком восторженны.

– Филантроп – обязательно энтузиаст; ведь что и когда достигалось без энтузиазма, кроме банальности? Но опять же, посмотрите на бедняков в Лондоне. Для такой толпы страдающих что означает единение здесь и хлеб там? Я за то, чтобы отдать им двадцать тысяч волов и сто тысяч баррелей муки для начала. Тогда они успокоятся и не будут больше жаждать этого, как сейчас это происходит среди бедняков Лондона. И так повсюду вокруг.

– Разделяя характер вашего общего проекта, этих вещей, я принимаю его скорее как пример чудес, которых стоит пожелать, нежели как чудес, которые произойдут.

– И возраст чудес известен? Действительно ли мир слишком стар? Действительно ли он бесплоден? Подумайте о Саре.

– Тогда я – Авраам, оскорбляющий ангела, – с улыбкой. – Но, тем не менее, если говорить о вашем проекте в целом, то он кажется определённо смелым.

– Но если к смелости проекта будет принесена соразмерная осмотрительность выполнения, как тогда?

– Почему вы всерьёз полагаете, что ваше всемирное милосердие когда-нибудь придёт в действие?

– Я уверен, что так и будет.

– Но разве вы не можете быть самонадеянным?

– Для христианина вполне подходит говорить так!

– Но подумайте о препятствиях!

– Препятствия? Я уверен, что преодолею препятствия, даже горы. Да, верю в милосердие в мире до такой степени, что, пока нет лучшего человека для этого места, я назначу себя временным казначеем и буду счастлив получать подписки в качестве подарка, который будет посвящён исключению ещё одного миллиона из моего перечня.

Разговор продолжался; человек в сером отстаивал идею благотворительности, которая, помня тысячелетнее обещание, пересекла границы всех стран земного шара, как душа весьма

усердного землепашца, раздуваемая предчувствием ближайшего посевного сезона, поглощает его с мартовской мечтательностью у домашнего очага и на каждом кусочке земли его фермы. Была затронута основная струна человека в сером, и казалось, будто он никогда не прекратит вибрировать. Его весьма серебристая речь также для убедительности была дополнена жестами и цитатами из Пятикнижия, от которых гранитные сердца разлетелись бы на осколки.

Поэтому удивительно, что его слушатель, столь же добросердечный, каким он и выглядел, ждал доказательств такого красноречия, хотя и не остался равнодушным к таким мольбам. После дальнейших слов с чувством доброго скептицизма, когда корабль уже пришвартовался к месту предназначения, джентльмен со взглядом, наполовину состоящим из смеха, наполовину из жалости, вложил ещё одну банкноту в его руки, благоволя к последнему только лишь из-за мысли о его энтузиазме.

Глава VIII

Благотворительница

Если алкоголик в трезвом состоянии является самым унылым из смертных, то энтузиаст в рассудительном состоянии покажется совсем уж неживым. И это, без предубеждения, наилучший момент для его восприятия; отсюда если его восторг – это высота его безумия, то его отчаяние – всего лишь противоположность его здравомыслию. Что-то подобное на всеобщем обозрении и произошло с человеком в сером. Общество было его стимулом, одиночество было его летаргией. Одиноким, как морской бриз, дующий за тысячи лиг, он из-за безучастности, как ветеран, не нашёл сокровища, во всяком случае, слишком ободряющего. Короче говоря, предоставленный самому себе, incapable никого очаровывать дальше своей скрытой лимфатической системой, он спокойно продолжал пребывать в своей собственной атмосфере – неподвижной, смешанной с грустным смирением и скромностью.

Словно безрезультатно кого-то ища, он нехотя подошёл к салону, где сидела одинокая леди, но после нескольких разочарованных взглядов на неё сам присел на диван, производя впечатление подавленного и истощённого скорбью человека.

На дальнем конце дивана сидела пухлая и приятная особа, чей вид, кажется, намекал, что если и есть у неё какое-либо слабое место, то им может быть всё что угодно, но только не её чудесное сердце. Её мрачное платье, абсолютно тёмное, свидетельствовало о том, что она вдова, просто-напросто сломленная своим трауром. В её руке находился маленький позолоченный Завет, который она только что читала. Наполовину закрыв его, она в мечтательности держала книгу, и палец её был зажат на восьмой главе из Первого послания к коринфянам, на той главе, к которой, возможно, недавно обратилось её внимание вскоре после того, как она стала свидетелем сцены с предостерегающим немимым пассажиром и его мелком. Её взгляд больше не встречался со Священным Писанием, но вечером, когда западные холмы сияли на закате солнца, её вдумчивое лицо сохраняло свою нежность, пусть и позабыв об учении.

Тем временем, дабы привлечь её взгляд, выражение лица незнакомца стало таким же, как и прежде. Но на него не отзывались. Затем охват её несколько любопытствующего взгляда сузился. Она сосредоточилась. Кроме неприкрашенной доброты, никакого покушения на вежливость в её действиях не проявлялось. Глаза леди заискрились. Очевидно, она уже не оставалась беспристрастной. Вскоре, сделав поклон, низким, печальным, полным уважения тоном незнакомец заговорил:

– Сударыня, простите мою вольность, но что-то есть в этом лице, которое необычайно привлекает меня. Я могу спросить, действительно ли вы – божья сестра?

– Почему... действительно... вы...

Беспокоясь о её неловкости, он поспешил не беспокоить её, но не показал этого.

– Здесь есть хорошее уединение для собрата, – разглядывая яркую парчу леди на фоне салона. – Я обнаружил, что никто не общается по душам. Это, быть может, неправильно, – я... знаю... это так... но я не могу вынудить себя запросто сходить с людьми в обществе. Я предпочитаю компанию, но тихую, братство или обитель в хорошем месте. Между прочим, сударыня, могу ли я вас спросить, веруете ли вы?

– Действительно, сэр... почему, сэр... действительно... я...

– Вы могли бы вдохнуть веру, например, в меня?

– Действительно, сэр... так много... я имею в виду, как бы поделикатней сказать, мы... э... не знакомы, абсолютно не знакомы, я почти сказала, – возразила леди, едва сохраняя непринуждённую любезность, отводя корпус немного в сторону в то же самое время, как её

сердце, возможно, стремилось как раз в другом направлении. Шла естественная борьба между милосердием и благоразумием.

– Абсолютно не знакомы! – со вздохом. – Ах, кем вы можете быть, незнакомка? Напрасно я блуждаю: никто не хочет поверить мне.

– Вы заинтересовали меня, – сказала приятная леди со скромным удивлением. – Могу ли я чем-либо оказать вам поддержку?

– Мне не сможет оказать поддержку тот, у кого нет веры.

– Но я... я верю... по крайней мере, в той степени... я имею в виду, что...

– Нет, нет, в вас её нет... совсем нет. Прошу прощения, я вижу это. Никакой веры. Я – дурак, полный дурак, оттого что я ищу её!

– Вы несправедливы, сэр, – возразила приятная леди с усиленным интересом, – но, может быть, случилось так, что какие-то неблагоприятные события, произошедшие с вами, оказали влияние на вас. Не то чтобы я бросаюсь порицать. Верьте мне, мне, я... да, да... я могу сказать... что... что...

– То, что вы веруете? Докажите это. Позвольте мне принять от вас двадцать долларов.

– Двадцать долларов!

– Вот, я же сказал вам, мадам, что у вас нет веры.

Леди была весьма задета. Она сидела в своеобразном беспокойном мучении, не зная, куда повернуться. Она принималась произносить двадцать различных предложений и каждое заканчивала на первом слоге. В последний раз, в отчаянии, она сумела произнести:

– Скажите мне, сэр, зачем вам нужны двадцать долларов?

– Это не для меня... – глядя на её полутраур, – а для вдов и сирот. Я путешествую как агент вдово-сиротского приюта, недавно основанного среди семинолов.

– И почему же вы не сказали мне о своей цели прежде? – уже с немалым облегчением. – Бедные души – индейцы, тем более безжалостно эксплуатируемые индейцы. Здесь, здесь; как я могла сомневаться? Я так сожалею, что у меня нет больших денег.

– Не горюйте из-за этого, мадам, – поднимаясь и складывая банкноты. – Это незначительная сумма, я признаю, но... – вынимая свой карандаш и книгу, – хотя я и нахожусь здесь и регистрирую только количество, но существует другой регистр, где записана причина взноса. До свидания, вы веруете. Да, вы можете сказать мне то же, что сказал апостол в Послании к коринфянам: «Я рад, что верую во всех вас».

Глава IX

Два бизнесмена проводят маленькую сделку

– ...Простите, сэръ, не замечали ли вы поблизости джентльмена в шляпе с пером, скорее всего, чем-то опечаленного? Странно, куда же он мог пойти? Я говорил с ним не далее как двадцать минут назад.

Проворный румяный человек в дорожной кепке с кисточкой нёс под мышкой книгу, подобную бухгалтерской, а вышеупомянутые слова его были адресованы прежде всего студенту колледжа, который внезапно оторвался от перил, куда он вскоре после своего бегства, описанного в предыдущей главе, вернулся и где пока и оставался.

– Вы видели его, сэръ?

Очнувшись от своей видимой застенчивости под воздействием дружеской бойкости незнакомца, молодой человек ответил с непривычной быстротой:

– Да, человек с пером был здесь не так давно.

– Грустный такой?

– Да, и несколько сломленный тоже, должен признаться.

– Это был он. Неудача, боюсь, сокрушила его разум. Тогда скорее скажите: каким путём он ушёл?

– Как раз в том направлении, откуда вы пришли, вон тем коридором.

– Да? Тогда человек в сером пальто, которого я только что встретил, сказал правду: он, должно быть, сошёл на берег. Какая неудача!

Он стоял, раздосадованно дёргая кисточку своей кепки, с которой упала её крупица, и продолжал:

– Ну, я очень сожалею. Фактически у меня здесь было для него кое-что. – Затем приблизился: – Вы видите, он обратился ко мне за утешением, но я поступил с ним несправедливо из-за того, что он начал сообщать, ну, вы понимаете. Ну, будучи именно тогда очень занятым, я отстранился; боюсь, что вполне грубым, а также холодным, угрюмым, бесчувственным способом. Во всяком случае, но три минуты спустя я почувствовал угрызение совести и своего рода побуждение, весьма безапелляционное, вручить этому несчастному человеку десятидолларовую банкноту. Вы улыбаетесь. Да, это, возможно, суеверие, но я не могу не помочь ему; у меня своя слабость, слава Богу. С другой стороны, – он быстро двинулся далее, – мы стали так богаты в последнее время в нашем деле (мы – я имею в виду угольную компанию «Рапидс»), что, воистину, из-за моих прибылей, совместной и индивидуальной, было бы слишком справедливо сделать пару инвестиций в благотворительность, вы так не считаете?

– Сэръ, – сказал этот студент колледжа без какого-либо замешательства, – я понял, что вы официально связаны с угольной компанией «Рапидс»?

– Да, я как раз президент и трансфер-агент.

– Вы?

– Да, но зачем это вам? Вы хотите вложить капитал?

– Почему нет, ведь вы продаёте запас?

– Кое-что можно купить, пожалуй; но почему вы спрашиваете? Вы хотите вложить капитал?

– Но я предполагаю, что, – с прохладной сдержанностью, – вы могли бы кое-что сделать для меня здесь.

– Благословите мою душу, – пристально глядя на него и поражаясь, – действительно, вы вполне деловой человек. Пожалуй, я чувствую, что боюсь вас.

– О, совершенно напрасно. Вы могли бы сейчас продать мне часть этого запаса?

– Я не знаю, я не знаю. Безусловно, есть несколько акций, при специфических обстоятельствах купленных компанией, но это едва ли станет идеей превратить этот корабль в офис компании. Я думаю, что вы должны отсрочить вложение. Итак, – с безразличным видом, – вы видели неудачника, о котором я говорил?

– Позвольте неудачнику идти своим путём. Что это за такая большая книга у вас?

– Это моя трансфертная книга. Я вызван с ней в суд.

– «Угольная компания „Рapid“», – искоса читая позолоченную надпись на корешке. – Я много слышал о ней. Умоляю, нет ли у вас случайно какого-либо отчёта о состоянии вашей компании?

– Отчёт был опубликован только что.

– Простите меня, но я, что вполне естественно, любопытен. У вас есть при себе копия?

– Я опять вам говорю: я не думаю, что приемлемо превращать этот корабль в офис компании. А этот неудачник не предлагал вам освободиться от него вообще?

– Позвольте неудачнику утешать самого себя. Дайте мне отчёт.

– Ну, вы такой бизнесмен, что я едва ли смогу отказать вам. Здесь, – вручая маленькую печатную брошюру.

– Молодой человек внимательно развернул её.

– Я ненавижу подозрительных людей, – сказал другой, наблюдая за ним, – но я должен сказать, что мне нравится видеть осторожных.

– Я могу этим доставить вам удовольствие, – неохотно возвращая брошюру, – поскольку, как было сказано прежде, я по природе любознателен, но я также и осмотрителен. Но внешний вид может обмануть меня. Ваша брошюра, – добавил он, – рассказывает о весьма прекрасной истории, но, умоляю, разве ваш запас не был немного более тяжёл некоторое время назад? Тенденция к падению? Пример падения доверия среди держателей на предмет этого пая?

– Да, была депрессия. Но как она пришла? Кто создал её? «Медведи», сэр. Удешевление нашего запаса произошло исключительно вследствие рычания, лицемерного рычания медведей³.

– Как это – лицемерного?

– Да ведь самые чудовищные из всех лицемеров – это медведи, лицемерные извратители, лицемерные симуляторы тьмы взамен света, души которых преуспевают и не менее депрессивны, чем самая ложная депрессия; профессора злого искусства создания депрессий; поддельные Иеремии, лживые Гераклиты, те, кто, устроив чёрный день, возвращаются, как ложные Лазари среди нищих, чтобы с ещё большим азартом загребать прибыль, полученную их притворными воспалёнными умами, – подлые медведи!

– Вы воспылали против этих медведей?

– Если это и так, то это, скорее, из-за воспоминаний об их интригах относительно нашей доли, чем от убеждения, что они сами и есть разрушители веры и мрачные философы фондовой биржи; впрочем, будучи фальшивыми сами по себе, они всё же являются истинными примерами большинства разрушителей веры и самыми мрачными философами во всём мире. Эти парни таковы, что средствами политики, запасами зерна, моралью, метафизикой, религией – чем только могут – создают свою чёрную панику, естественно, по-тихому, исключительно в целях своего рода тайного преимущества. Тот несчастный труп, выставаемый напоказ мрачным философом, является всего лишь его довольно неплохим Морганом.

– Мне, скорее, это нравится, – сознательно растягивал слова молодой человек. – Я представляю себе их мрачные души так же мало, как последующие. Восседаю на своём диване после обеденного шампанского, курю свою сигару с плантации, и если грустный приятель приезжает ко мне – то это скука!

³ Биржевые игроки на понижение – Прим. пер.

– Вы говорите ему, что это всё, что есть, не так ли?

– Я говорю ему, что это неестественно. Я говорю ему: «Ты достаточно счастлив, и ты знаешь это; и все другие так же счастливы, как ты, и ты тоже знаешь это; и все мы будем счастливы после того, как нас больше не будет, и ты тоже знаешь это; но нет, тем не менее у тебя самого всё ещё остаётся плохое настроение».

– И вы знаете, откуда у этого приятеля берётся плохое настроение? Не от жизни; поскольку он подолгу, слишком подолгу живёт отшельником или же он слишком молод, чтобы замечать что-либо постороннее. Нет, он получает его от неких старых представлений, которые он видит на сцене, или от неких старых книг, что он находит в каморках. Десять к одному, что он притащил домой с аукциона заплесневелого старого Сенеку и приступил к наполнению самого себя тем же несвежим старым сеном – и вслед за этим думает, что выглядит мудрым и античным, и каркает о том, что выбрал путь, лежащий выше его породы.

– Именно так, – согласился молодой человек. – Я в жизни видел очень много таких ворон, сборщиков барахла из вторых рук. Между прочим, кажется странным, что этот человек с пером, о котором вы спрашивали, выбрал меня для неких мягких сантиментов только потому, что я сохранил спокойствие, и подумал, увидев у меня копию Тацита, что я читаю его из-за его мрачности, хотя я делал это ради его сплетен. Но я позволил ему поговорить. И действительно своими манерами высмеял его.

– Вы не должны были делать этого в тот момент. Он – несчастный человек, которого вы, должно быть, сделали настоящим дураком.

– Это его собственная ошибка, если я так сделал. Но мне нравятся преуспевающие приятели, богатые приятели; приятели, которые говорят о богатстве и успехах, как вы. Такие приятели вообще честны. И теперь я скажу, что у меня, оказывается, есть излишек в моём кармане и я просто...

– ...сыграю роль брата этого несчастного человека?

– Позвольте несчастному человеку оставаться братом самому себе. Что вы вспоминаете его всё это время? Можно подумать, что вы не хотите регистрировать любую передачу или избавиться от какого-либо запаса, – вам разумней избежать чего-то ещё. Я говорю, что я вложу капитал.

– Стойте, стойте, сюда пришли некие шумные господа, – вон туда, вон туда.

– И с бесцеремонной вежливостью человек с книгой препроводил своего компаньона в небольшой укромный уголок, удалённый от бурной ссоры.

Сделка свершилась, эти двое пошли дальше и прогулялись по палубе.

– Теперь скажите мне, сэр, – сказал человек с книгой, – как получилось, что такой молодой джентльмен, как вы, уравновешенный студент при первом же появлении балуется активами и им подобными вещами?

– В мире есть определённые ошибки самоуверенных невежд, – растягивал слова второкурсник, сознательно поправляя воротник своей рубашки, – немалое количество которых является популярным мнением, касающимся природы современного учёного и природы современной схоластической уравновешенности.

– Кажется, так; кажется, так. Воистину, это совсем новая страница в моём опыте.

– Опыт, сэр, – заново огляделся второкурсник, – является единственным учителем.

– Следовательно, я ваш ученик – из-за того только, что опыт говорит, что я могу многое стерпеть, чтобы выслушать предположение.

– Мои предположения, сэр, – сухо обрисовывая самого себя, – были в основном определены принципом лорда Бэкона; я размышляю о тех основных положениях, которые приходятся по душе моему делу, и от души... умоляю, не знаете ли вы о каких-либо других хороших активах?

– Вы бы не хотели заинтересоваться Новым Иерусалимом, не так ли?

– Новый Иерусалим?

– Да, новый и процветающий город, так названный, в северной Миннесоте. Он был первоначально основан отделившимися беглыми мормонами. Отсюда и имя. Он стоит на Миссисипи. Вот здесь карта, – извлекая рулон. – Там – тут, вы видите, общественные здания – здесь пристань, там парк, вон там ботанические сады, и эта, эта небольшая точка здесь – бесконечный фонтан, вы понимаете. Вы замечаете, что здесь двадцать звёздочек. Это для лицеев. У них есть трибуны из гваякового дерева.

– И все эти здания теперь стоят?

– Все постройки – добротные.

– Эти квадраты по краям здесь, действительно ли они – водные участки?

– Водные участки в городе Новый Иерусалим? Всё – суша, или вы всё-таки не кажетсяе заботящимся о вложении?

– Только и думаю о том, как бы чётче прочесть своё звание, как говорят студенты юридического факультета, – зевнул студент колледжа.

– Благоразумие – вы благоразумны. Но знайте, что вы сейчас тоже полностью отсутствуете. Во всяком случае, лучше бы у меня была одна из ваших угольных акций, чем две других. Однако полагаю, что первый расчёт произошёл из-за двух беглецов, которые приплыли нагими с противоположного берега, – это удивительные места. Это... основательно... Но, боже мой, я должен идти. О, если вам представится возможность столкнуться с тем несчастным человеком...

– В таком случае, – изображая нетерпение, – я пошлю стюарда уладить эту проблему, и тот отправит его за борт со всеми его бедами.

– Ха-ха! Был бы здесь сейчас некий сумрачный философ, некий теологический медведь, вечно случающийся, чтобы подавлять суть человеческой природы (скрытым взглядом рассматривающий толстых присутствующих прихожан холодного Арамиуса), он объявил бы, что это происшествие укрепляет сердце и смягчает разум. Да, это стало бы его зловещим построением. Но это – не что иное, как смешная причуда, приветливая, но сухая. Признайтесь в этом. До свидания.

Глава X В каюте

Табуретов, скамьи, софы, диваны, оттоманки, занятые группами людей, старыми и молодыми, мудрыми и простодушными; в их руках краплённые карты с алмазами, пиками, палицами, сердцами; любимые игры – вист, кривбедж и хвостун. Бездельничающие в креслах или прогуливающиеся среди столов с мраморной столешницей удивлены этой сценой, и сравнительно немного тех, кто, вместо того чтобы занять руки игрой, по большей части держат их в своих карманах. Возможно, что они – философы. Но здесь и там с любопытствующим выражением каждый читает маленькую на вид листовку с анонимными стихами или, скорее, многословными названиями:

ОДА, СОСТОЯЩАЯ
ИЗ НАМЁКОВ
НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЕЗВЕРИЕ,
СОЧИНЁННАЯ В БЕСКОРЫСТНЫХ УСИЛИЯХ
РАДИ ПОВТОРНОЙ ПОПЫТКИ
ОБЕСПЕЧИТЬ
ПОЯВЛЕНИЕ ВЕРЫ

На полу лежало множество книжных копий, выглядящих так, как будто они были сброшены с пролетавшего воздушного шара. Путь, благодаря которому они здесь оказались, был таков: некий пожилой человек в квакерской одежде спокойно прошёл через каюту и, подражая железнодорожным книжным коробейникам, которые перед предложением продаваемого товара напрямую или косвенно расхваливают его, следовал с пачками брошюр с одой и без разговора вручал их. Они же, по большей части, после поверхностного взгляда были непочтительно отброшены в сторону, как, без сомнения, лунатическое творение некоего блуждающего рапсодиста.

В назначенное время с книгой под мышкой прошёл румяный человек в походной кепке, который, легко перемещаясь из стороны в сторону, с оживлением оглядывал окружающих с тоскующим и сочувствующим видом, происходящим из его собственной душевной общности, словно говоря: «О, юноши, хорошо было бы, если б я лично познакомился с матерями таких сынов, как каждый из вас, начав с того сладкого мира, в котором заводят сладостное знакомство, братья мои; да, и самое важное здесь то, что все мы здесь счастливые сукины дети!»

И так же, будто наяву продолжая свою трель, он вёл себя по-братски то с одним бездельничавшим незнакомцем, то с другим, обменявшись с ними несколькими приятными замечаниями.

– Умоляю, каково ваше мнение? – спросил он человека, к которому недавно обращался, маленького и худого, который выглядел так, будто никогда не обедал.

– Небольшая ода, и притом довольно странная, – прозвучал ответ, – того же самого типа, что вы видите здесь рассыпанной по полу.

– Я не видел её. Позвольте мне взглянуть, – поднимая одну и рассматривая её. – Уже хорошо, симпатично; жалобно, особенно вступление:

Жаль человека, в котором слишком мало
И радости, и веры.

– ...Если это так, то действительно жаль его. Читается очень гладко, сэ. Красивый пафос. Но вы полагаете, что это просто сантименты?

– Касательно этого, – сказал маленький сухой человек, – я думаю, что это в целом своеобразная, странная вещь, и всё же я почти стесняюсь добавить, что она действительно подходит к моим взглядам, да и к чувствам. Сейчас, так или иначе, я чувствую, что я был доверчивым и приветливым. Я не знаю, что именно я когда-то чувствовал прежде. Я, естественно, был поражён своими чувствами, но эта ода по-своему поработала над моим бесчувствием, мало чем отличаясь от проповеди, которая, оплакивая мою ложную смерть в прегрешениях и грехах, таким способом понуждает меня быть в целом живым и в добром здравии.

– Рад слышать это и надеюсь, что вы преуспеете, как говорят доктора. Но кто, как снег, рассыпал здесь оды?

– Не могу сказать: я здесь недавно.

– Может, здесь был ангел? Ну, если вы говорите, что чувствуете себя человеком душевным, то позвольте нам вести себя, как остальные, и сесть за карты.

– Спасибо, я совсем не играю в карты.

– Бутылку вина?

– Спасибо, я совсем не пью вина.

– Сигару?

– Спасибо, я совсем не курю сигар.

– Расскажите историю.

– Если серьёзно, то я едва ли знаю одну, которую стоит рассказать.

– Тогда, мне кажется, этой сердечностью вы заявляете, что чувствуете себя возбуждённым, как потоки воды на земле в отсутствие мельниц. Ну, вам лучше взять в добродушные руки карты. Чтобы начать, мы будем играть на такую малую сумму, какую вы пожелаете, и как раз сделаем игру интересной.

– Воистину, вы должны извинить меня. Так или иначе, я не доверяю картам.

– Что, не доверяете картам? Добрым картам? Тогда на сей раз я присоединяюсь к нашему печальному здешнему соловью – Филомелу:

Жаль человека, в котором слишком мало
И радости, и веры.

– До свидания!

Снова прогуливаясь тут и там и болтая, он со своей книгой, со временем утомившись, поискал глазами место и, высмотрев частично свободный диван, придвинутый напротив, присел там; вскоре там же появился его случайный сосед, который оказался тем самым добрым торговцем, весьма заинтересовавшимся перспективой, внезапно открывшейся перед ним; по ту сторону находились два играющих в вист легкомысленных молодых человека с кремовыми лицами, один из которых был в красном шейном платке, другой – в зелёном, против двух вежливых, серьёзных, солидных, хладнокровных мужчин среднего возраста, одетых в приличествующие их профессии чёрные галстуки и, очевидно, обладающих степенями докторов в гражданском законодательстве.

Вскоре последовал предварительный осмотр нового посетителя, а затем славный торговец, наклонившись в его сторону, прошептал, прикрывшись раздавленной копией оды:

– Сэр, мне не нравятся взгляды тех двоих, а вам?

– Едва ли, – шёпотом прозвучал ответ. – Эти цветные шейные платки не лучшего вида, по крайней мере, для меня; но мой вкус не закон для всех.

– Вы не поняли, я имею в виду других двоих, и я сужу не о платье, а о выражении лица. Я признаюсь, что я не знаком с такими господами дальше чтения о них в газетах, но те двое – шулеры, разве нет?

– Да пребудет от нас подальше каверзный и придирачивый дух, мой уважаемый господин.

– Действительно, сэр, я не ругал бы их; я редко занимаю такую стезю, но, конечно же, по меньшей мере, эти два молодых человека едва ли могут быть знатоками, в то время как пара их противников может быть гораздо опасней.

– Вы намекнули, что цветные шейные платки будут столь же неуклюжими, чтобы проиграть, тогда как тёмные шейные платки – столь же ловкими, чтобы быть способны на обман? Кислое воображение, мой уважаемый господин. Прогоните его. Небольшую пользу вам принесёт чтение оды, которая у вас в руках. Годы и опыт, я верю, не испортили вас. А новое либеральное мировоззрение научило бы нас рассматривать этих четырёх игроков – воистину, вся эта каюта полна игроков – как играющих в игры, в которых каждый игрок играет в тщеславие, а неиграющий не станет победителем.

– Сейчас вы вряд ли думаете так, потому что игры, в которых все могут победить, в этом мире, как мне кажется, пока ещё не изобретены.

– Ну-ка, – роскошно откидываясь назад и бросая свободный взгляд на игроков, – плата внесена, слышны звуки пищеварения, забота, тяжёлый труд, бедность, горе, неизвестность; если бездельничать на этом диване, ослабив пояс, то почему бы с радостью не покориться судьбе, нежели ворчливо искать выход из создавшегося в этом мире положения?

На эти слова добрый торговец ответил долгим и тяжёлым взглядом и затем, потирая свой лоб, углубился в размышление, поначалу нелёгкое, но, наконец всё продумав, опять обратился к своему компаньону:

– Ну, я смотрю, что хорошо забывать про отдельные мысли время от времени. Так или иначе, я не знаю, почему определённая туманная подозрительность кажется неотделимой от большинства частных понятий о некоторых людях и некоторых вещах; но рано или поздно эти туманные понятия от простых контактов с другими людьми рассеиваются или, по крайней мере, меняются.

– Тогда вы полагаете, что я принёс вам благо? Может быть, и так. Но не стоит благодарности, не благодарите меня. Если сказать словами, небрежно брошенными в час общения, то я приношу пользу тем, что исправляю или останавливаю, и это совсем не преднамеренное влияние – рожковому дереву, подслащающему траву под самим собой, не воздают никакой заслуги в целом, простая полезная случайность, добродетельное естество, – разве не видно?

Последовал ещё один пристальный взгляд славного торговца, и оба снова замолчали.

Заметив свою книгу, до настоящего времени лежащую на его коленях, довольно сильно надоевшую своим пребыванием, её владелец положил её краем вперёд на диван между собой и соседом, таким образом выставив надпись на корешке: «Угольная компания „Рапидс“», которую добрый торговец из-за безупречного благородства и из-за суматохи не смог прочесть, пока она невольно не предстала перед его глазами, не имеющими сознательной возможности не заметить её. Но внезапно, как будто просто вспомнив о чём-то, незнакомец поднялся и пошёл, из-за поспешности оставив свою книгу, которую торговец заметил, без задержки поднял и, поспешив за ним, вежливо возвратил её; совершая свои действия, он не смог избежать непреднамеренного прочтения части надписи.

– Спасибо, спасибо, мой хороший сэр, – сказал другой, получая том и возобновляя своё движение, и тогда заговорил торговец:

– Простите меня, но вы в некотором роде не связаны ли с... угольной компанией; не о ней ли я слышал?

– В мире есть более чем одна угольная компания, о которой можно услышать, мой хороший сэр, – улыбнулся другой, делая паузу с выражением болезненного нетерпения и демонстрируя бескорыстие.

– Но вы, в частности, связаны с одной. Угольная компания «Рэпидс», разве нет?

– Как вы узнали об этом?

– Ну, сэр, я услышал довольно заманчивую информацию о вашей компании.

– Кто ваш осведомитель? Умоляю, – несколько холодно.

– Человек по имени Рингман.

– Не знаю такого. Но, несомненно, многие люди знают нашу компанию, но их не знает наша компания; таким же образом один человек может знать другого, который неизвестен ему. Вы этого Рингмана давно знаете? Старый друг, я полагаю. Но прошу прощения, я должен оставить вас.

– Оставайтесь, сэр, это... этот пакет...

– Доля?

– Да, он немного не в порядке, возможно, но...

– Дорогой мой, вы думаете о выполнении какой-либо сделки со мной, не так ли? Учтивая мою должностную компетенцию, я не могу доверять вам. Это трансфертная книга, вот она, – держа её так, чтобы надпись была на виду. – Вы откуда знаете, что это не подделка? И если я лично не знаком вам, то как вы можете доверять мне?

– Потому, – знающе улыбнулся добрый торговец, – что если бы вы не отличались от меня, то будьте уверены, что вы едва ли бы выказали мне недоверие.

– Но вы не проверили мою книгу.

– Зачем это делать, если я уже готов поверить, что она – то, что нужно?

– Но вы-то хорошо это знаете. Это предполагает сомнения.

– Сомнения, может быть, их можно предположить, но не знание; поскольку, исследуя книгу, я должен буду думать, что знаю уже больше, чем прежде; и если это подлинная книга, то я уже готов так думать; а если это не так, то я никогда не видел истинную и не знаю, на что она должна быть похожа.

– Вашу логику я не буду критиковать, но вашей уверенностью восхищаюсь, и искренностью тоже; шуточный метод я использовал, чтобы вытянуть истину. Достаточно того, что мы подойдем к вон тому столу, и если имеется дело, в котором при моём частном или должностном положении я могу помочь вам, то прошу командовать мною.

Глава XI

Всего лишь страница или около того

Сделка завершилась, оба всё ещё оставались сидеть, погружившись в известный разговор в той степени доверия, что находится на грани полного сочувствующего молчания и утончённых изящества и роскоши, не затрагивающих добрые чувства. Своего рода общепринятый стереотип предполагает, что во время истинного дружелюбия стоит всё время побольше произносить дружеские слова, нежели всё это время делать дружеские дела. Истинное дружелюбие, как и истинная вера, пребывает в виде, не зависящем от дел.

Далее добрый торговец, взгляды которого задумчиво упирались в оживлённые столы, стоящие вдаль, рассеял чары, сказав, что от зрелища перед ним вряд ли можно будет определить, что являют собой другие части корабля. Он сослался на прецедент, с которым случайно столкнулся час или два назад, где сморщенный старый скупец, одетый в старый севший молескин, улёгся, как инвалид, на голой доске в эмигрантском отсеке, нетерпеливо цепляясь за жизнь и прибыль, хотя и задыхаясь от удушья, а иначе он мучился бы от мысли, что смерть или некий другой беспринципный вор-карманник стали бы средствами его потерь; во время этого недолгого времени, спасая лёгкие и кошелёк, он не желал знать и желать ничего, кроме них; его рассудок, никогда не поднимавшийся выше формы, был теперь почти полностью расстроен. До такой степени, воистину, он не имел веры во что-либо, что даже свои пергаментные бонды для лучшей сохранности от зубов времени он уплотнил и запечатал, как бренди, в оловянном хранилище для алкоголя. Достойный человек довольно долго пересказывал удручающие его подробности. И при этом его радостный компаньон полностью не отрицал, что тут может присутствовать точка зрения, при которой такая крайность ищет уединения, и представленная человеческим разумом особенность в целом не приветствуется, как вино и маслины после обеда. Однако он не остался без вознаграждающего соображения, что в целом привлёк своего компаньона к показу того, как добродушным, окольным способом можно намекнуть на несколько желчную сентиментальность. Природа, он добавил, по словам Шекспира, имеет еду и отруби, и грамотно отобранные отруби, по-своему, не стоит осуждать.

Другой не был расположен судить о мыслях Шекспира, но едва ли допустил бы уместность применения в этом случае намного меньшего комментария. Потому после некоторого дальнейшего сдержанного обсуждения жалкого скупца оба сошлись на том, что книги Шекспира не совсем гармоничны, и торговец сослался на другой прецедент, который случился из-за негра-калеки. Но его компаньон предположил, что, так или иначе, предполагаемые трудности этого предполагаемого неудачника могли бы существовать скорее в жалостливых глазах наблюдателя, чем в реальности наблюдаемого. Он ничего не знал о калеке, не видел его, но рискнул предположить, что, если бы он мог постичь реальное состояние его сердца, он нашёл бы его почти столь же счастливым, как и большинство людей, пусть даже не наполненным таким же счастьем, как, фактически, сам рассказчик. Он добавил, что негры по своей природе особенно весёлая раса; никто никогда не слышал о доморощенных африканских Циммермане или Торквемаде; и ещё то, что даже из религии они удалили всю мрачность; в своих весёлых ритуалах они танцевали и, как говорится, на самом деле подрезали крылья голубям. Это было невероятно, но именно поэтому этот негр, низведённый до своего состояния, когда-то мог быть подвергнут усечению ног согласно законам забавной местной философии.

Поставленный снова в тупик, добрый торговец мог бы и воздержаться, но решил всё же упомянуть третий случай, того же человека с пером, чья история, как упоминалось отдельно, подтверждалась и дополнялась свидетельством известного человека в сером пальто, которого впоследствии встретил торговец; и сделал он это теперь, не пряча подробностей, раскрытых

вторым осведомителем, чья деликатность уберегла самого неудачника от касательств его личности.

Но именно так добрый торговец, возможно, смог воздать большую благодарность человеку с пером, чем та история, которую мы рискнём пересказать другими словами, не преследуя этим какой-либо иной цели.

Глава XII

История Неудачника, в которой, возможно, собраны все обстоятельства того, справедливо или нет он был наделён своими правами

Оказалось, что у Неудачника была жена, и такой аномально порочной природы, что ею почти овладел метафизический любитель породы нашей, дабы усомниться, является ли человеческий облик во всех случаях неопровержимым отражением человеческого характера, или что иногда этот облик не оказывается разновидностью не связанного обещанием равнодушного сосуда, или же, раз и навсегда опровергая высказывание Тразия (необъяснимо полагая, что он сам был столь же хорошим человеком), что «она из тех, кто, ненавидя недостатки, ненавидит человечество», которое не должно при самозащите использовать ради разумного принципа, что ничего, кроме добродетели, не является исключительно человеческим свойством.

Гонерилья была молодой, гибкой и стройной, слишком стройной, воистину, для женщины с естественным розовым цветом лица, которое было очаровательно, но лишь из-за особой твёрдости и белизны, как у застывших цветов на керамических изделиях. Её волосы имели тёмно-каштановый цвет, но она открывала лишь короткие завитки повсюду вокруг своей головы. Её индейская фигура не оказывала расслабляющего эффекта на её бюст, в то время как её рот можно было бы считать симпатичным, не имея он следа усиков. В целом, при помощи ресурсов туалета, её появление ещё издали было таким, что некоторые, возможно, считали её, во всяком случае, довольно красивой, хотя красота была весьма специфической и подобной кактусу.

Счастье Гонерильи состояло в том, что её весьма поразительные особенности были ограничены личностью, а именно характером и вкусом. Мало кто едва мог обнаружить, что, имея естественную антипатию к таким вещам, как грудка цыплёнка, или заварной крем, или персик, или виноград, Гонерилья всё же могла тайно приготовить сносный обед из твёрдых крекеров и ломтиков ветчины. Ей нравились лимоны, и единственным видом леденцов, которые она любила, были небольшие высушенные палочки из голубой глины, которые она тайно носила в своём кармане. Кроме того, у неё был крепкий, стойкий организм, как у скво, и такой же стойкий дух и решительность. Некоторые другие её черты были аналогичны тем, что принадлежат женщинам в дикой жизни. Хотя она и была гибкой, она всё же любила полежать, но случаи немощи смогла вынести, как стоик.

Она также была молчалива. С раннего утра приблизительно до трёх часов дня она редко разговаривала – это время смягчало её, по общему мнению, низводя до разговора с человечеством. Во время пауз она мало двигалась, но смотрела и удерживала взгляд своими большими стальными глазами, которые её враги называли холодными, как у каракатицы, но некоторыми описывались как глаза газели; Гонерилья была не без тщеславия. Те, кто думал, что они лучше всего знали её, часто задавались вопросом, какое же счастье могло взять от жизни это существо, если оно не уделяло внимания иному наслаждению, кроме как очень лёгкому причинению боли тем, кто её окружает. Те, кто пострадал от странного характера Гонерильи, мог бы использовать одну из тех же гипербол, согласно которой обиженный решался назвать её некой жабой; но её злейшие клеветники никогда бы не посмели ни при каком демонстративном осуждении обвинить её в том, что она была подхалимом. По большому счёту, она обладала достоинством, состоявшим в независимом мышлении. Гонерилья считала лестью намёки на похвалу даже отсутствующим, и даже если они того заслуживали, но честностью – дать оценку ошибкам людей прямо им в лицо. Это мышление было преступным, но оно, конечно, не было страстью.

Страстью человеческой. Как ледяной кинжал, Гонерилья резко наносила удар и застывала, – так, по крайней мере, говорили; и когда она видела человека откровенного и невинного, которого доводила до слёзного волнения под воздействием своих чар, то, согласно той же самой силе, внутри себя она жевала свою голубую глину, и вы могли бы заметить, что она хихикала. Эти особенности были странными и неприятными, но другие предполагали, что она действительно была непостижима. В компании у неё появлялась странная манера тронуть, как бы случайно, руку миловидного молодого человека, и казалось, что она приходила в тайный восторг от этого человеческого удовлетворения, поскольку, как говорится, передавала ему свою злость; или же что-то ещё было в ней не столь примечательное, но столь же скверное и остававшееся загадкой.

Само собой разумеется, каким же бедствием было для Неудачника, когда, занятый беседой в компании, он внезапно видел свою Гонерилью, дарующую свои таинственные прикосновения, особенно в таких случаях, где их странность воздействовала на задеваемого человека и из-за приличия запрещала ему подразумевать интригу, как пятно, способное стать предметом обсуждения в обществе. Также в этих случаях Неудачник впоследствии никогда не мог долго выносить вида задетого молодого джентльмена, боясь потери самообладания при встрече от более или менее многозначительного взгляда. Он до дрожи избегал молодого джентльмена. Поэтому для мужа прикосновения Гонерильи возымели действие страшного языческого табу. Вместе с тем Гонерилья не терпела никакого упрёка. Так, в благие времена он в осторожной манере и весьма деликатно рискнул затеять мягкий задушевный разговор с целью прозрачно намекнуть на эту сомнительную привычку. Она предугадала его мысль, но своим холодным, равнодушным голосом сказала, что было бы глупо говорить о фантазиях, тем более глупых, но если Неудачнику нравится по-супружески радовать свою душу такими химерами, то они могут подарить ему много супружеских радостей. Хотя всё это было печально, – коснись этого – всё мог бы, возможно, перенести Неудачник, добросовестно помнящий свою клятву: лучше или хуже – лишь бы только любить и лелеять свою дорогую Гонерилью, пока добрые небеса могут хранить её для него, – но затем в конце концов случилось так, что дьявол ревности вошёл в неё, спокойный, липкий, как пирожное, дьявол, поскольку никто другой не мог завладеть ею и объектом этой безумной ревности, её собственным ребёнком, маленькой девочкой семи лет, утешением и любимицей её отца; когда он увидел Гонерилью, искусно мучающую невинную малышку и затем лицемерно по-матерински играющую с ней, многострадальный Неудачник уступил дорогу пациенту. Зная, что она не призналась бы, не исправилась бы и могла бы, возможно, стать ещё хуже, чем она была, он решил, исполняя отцовский долг, удалить от неё ребёнка; но, любя его так, как он хотел, он не мог сделать этого, не отправив себя самого во внутреннее изгнание, что, хотя это было трудно, он и сделал, после чего все женщины в округе, кто до настоящего времени совсем мало восхищался дамой Гонерильей, с негодованием обрушились на мужа, который, не обозначив причину, смог сознательно удалить жену из семейного лона и одновременно обострить ей жало, лишая её утешительных объятий её отпрыска. Ко всему этому чувство собственного достоинства, совмещённое с христианским милосердием к Гонерилье, долго сохранялось у безмолвного Неудачника. И хорошо, что так продолжалось до того момента, пока он, доведённый до крайности, не намекнул ей о каком-то случае, в душе не веря в него; в это время Гонерилья объявила всё, что он сказал, злонамеренной выдумкой. Задолго до этого по предложению некоторых женщин, отстаивающих свои права, уязвлённая жена возбудила иск и благодаря способному советнику и любезному свидетельству настолько преуспела в этом деле, что не только вернула себе опеку над ребёнком, но и получила такую компенсацию при разводе, что разорила Неудачника (так он утверждал); кроме того, благодаря юридической помощи, которой она воспользовалась, произвела судебное уничтожение его частной репутации, что сделало его ещё более печальным, отчего неудачник придумал перед судом свой самый мудрый план, такой же прекрасный, как самое

христианство, который бы, кроме того, не противоречил, как он считал, сути вопроса и должен будет продвинуть дальше заявление об умственном расстройстве Гонерильи и который мог бы с минимальным самоунижением и ненавистью к ней показать при своей защите те обстоятельства, которые привели к его удалению от радостей брака и в конечном итоге появлению желания отвергнуть это обвинение, происходящее из-за психического расстройства от фатального отвращения к нему самому, особенно когда среди прочего он ссылался на её таинственные доктрины. Напрасно старался его адвокат, стремясь устранить психическое расстройство ради того, чтобы в нужный момент убедить его держаться иначе, считая, что такая, как Гонерилья, является нормальной, что иное было бы возведением клеветы на женщину. А это и была клевета. И всё случившееся с Неудачником впоследствии не помешало намерениям Гонерильи поставить на нём несмываемое клеймо сумасшедшего, отчего он сбежал и был теперь невинным изгоем, несчастно блуждающим в Большой долине Миссисипи с пером на своей шляпе из-за утраты его Гонерильи; но поскольку он недавно увидел бумаги, утверждавшие, что она была мертва, то решил, что надлежит надеть предписанный в таких случаях знак траура. За несколько прошедших дней он попытался заставить деньги полностью вернуться к его ребёнку и совсем не сейчас начал заниматься недостающими фондами.

И вот сейчас всё это, с самого начала, добрый торговец не мог не считать довольно тяжким бременем для Неудачника.

Глава XIII

Человек в дорожной кепке проявляет щедрое человеколюбие и попутно, как оказывается, доказывает, что он является одним из самых логичных оптимистов

Несколько лет назад серьёзный американский учёный, будучи в Лондоне, заметил на тамошней вечеринке одного самодовольного щёголя с абсурдной, как ему показалось, лентой в отвороте его костюма, исполненного умных шуток, настолько восхитительных, насколько присутствующие были расположены ими восхищаться. И весьма велик был саван его презрения; но так вышло, что скоро он оказался в углу с этим нахалом, вступил с ним в беседу и, оказавшись весьма плохо подготовленным против остроумия нахала, оказался полностью побеждённым и, впоследствии пошептавшись с другом, выяснил, что нахал оказался почти столь же известной личностью, как и он сам, будучи не менее важным персонажем, чем сам сэр Хамфри Дэви.

Вышеупомянутый анекдот приведён здесь как простое средство, предвосхищающее напоминание читателям о том, что вид весёлого легкомыслия или того, что может сойти за него, до настоящего времени в большей части проявлявшийся у человека в дорожной кепке, возможно, оказался привлекательным из-за более или менее поспешной его оценки; и потому такие читатели при обнаружении того же самого человека теперь будут способны к философским и гуманитарным дискурсам – ни одной простой пары случайных предложений до этого времени не прошло без единогласной поддержки в течение почти всего заседания, – а потому они не смогут, как американский гость, вслед за этим прийти к какому-либо удивительному открытию, несовместимому с их собственным хорошим мнением об их предыдущей проницательности.

Когда повествование торговца закончилось, его слушатель не отрицал ничего в той степени, в какой это затрагивало его самого. Он надеялся, что в рассказике Неудачник надлежащим образом не изучен. Но он попросил рассказать, в каком настроении тот встречал свои предполагаемые бедствия. Он пребывал в унынии или в вере?

Торговец, возможно, не принимал в расчёт последнего вопроса, но ответил, что, если и был Неудачник должным образом подготовлен к своим несчастьям или нет, но был момент, когда он мог сказать за самого себя, что он был повержен, но держался образцово – из-за того только, что, насколько известно, он воздерживался от любых односторонних размышлений о человеческом совершенстве и человеческом правосудии, но в нём была заметна чёткая дисциплина, и временами он бывал в меру жизнерадостным.

Другой на это заметил, что с тех пор, как Неудачник показал пример, абсолютно не согласующийся с точкой зрения человека, его природа оказалась лучше, чем человеческая натура, и она в основном соответствовала его благоразумию (так же как и благочестие, которое при предполагаемом разубеждении тоже становилось весьма заметно), отчего он от филантропии при кратковременном волнении опускался до уровня мизантропов. Собеседник не сомневался также, что на такого человека с его опытом, в конце концов, полностью и благотворно подействовала бы смена обстановки, ведь до сих пор случавшиеся потрясения его веры подтверждали это и сковывали его. Что, конечно, имело бы место, если б Неудачник, наконец, остался удовлетворённым (поскольку рано или поздно так, вероятно, и случилось бы) и если б отвлечение его внимания от его Гонерильи, при всём к нему уважении, не превратилось бы в игру тщеславия. Во всяком случае, описание леди нельзя было по справедливости не расценить как

более или менее преувеличенное и до сих пор несправедливое. Правда, вероятно, состояла в том, что она была женой с некими изъянами, смешанными с некими красотами. Но когда изъяны открылись, её муж, совсем не знаток женской природы, попытался использовать произошедший с нею казус вместо чего-то намного более убедительного. Последовал его отказ от заверений и обручения. Акт удаления от неё казался при данных обстоятельствах весьма резким. Короче говоря, имелись, вероятно, маленькие недостатки с обеих сторон, более чем уравновешенные большими достоинствами, и тут нельзя было спешить с суждением.

Когда торговец, странно сказать, выступил против таких спокойных и беспристрастных взглядов и снова с некоторой теплотой выразил сожаление о случившемся с Неудачником, его компаньон не без серьёзности остановил его, сказав, что он никогда не сделал бы так, разве что в наиболее исключительном случае, при признании существования незаслуженного страдания, более долгого, чем предполагалось, вызванного безраздельными стараниями грешника, и такой допуск был по меньшей мере неблагоприятен, отчего для некоторых это могло бы оказать неблагоприятное воздействие на их самые важные убеждения. Не то чтобы эти убеждения вполне закономерно находились под таким влиянием. Ведь обычные явления жизни в природе вещей никогда не могли твёрдо проходить одним путём и пересказывать одну и ту же историю про флаги при пассате; следовательно, если бы признание Провидения, скажем, в любом случае зависело от таких перемен, как каждодневные события, то степень этого признания в рассудительных головах подверглась бы колебаниям – сродни колебаниям фондовой биржи во время долгой и сомнительной войны. Тут он поглядел в сторону своей трансфертной книги и после краткой паузы продолжал. Это было сутью правильного признания божественной природы, как правильного убеждения человека, как того, что основывалось совсем не на опыте, а на интуиции и что возвышалось над погодными зонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.